

Ирэн Весёлая

После развода.
Золото в руках
хирурга отшельника

Ирэн Весёлая

После развода

Ирэн Весёлая

После развода. Золото в руках хирурга отшельника.

<https://litres.ru/74469168>

Аннотация

— Мое присутствие у её кровати ничего не изменит, — равнодушно произнес мой муж, пока врачи собирали мои кости по осколкам. — У меня график, спонсоры и финал у другой девочки. А Арина... она больше не актив. Я подаю на развод.

Пять лет я была для него золотой жилой. Покорной женой, идеальной машиной для побед. Но один неверный прыжок перечеркнул всё. Мой идеальный муж-тренер вычеркнул меня из жизни, уйдя к молодой сопернице и оставив меня с приговором столичных врачей: «Инвалидное кресло — ваш максимум».

Когда казалось, что жизнь кончена, мать увозит меня в глухую карельскую деревню. Туда, где живет человек, которого называют «лесным мясником». Михаил — бывший гениальный хирург, потерявший всё из-за чужой подлости. Он суров, нелюдим, у него тяжелый взгляд и шрамы на сердце. Он не верит в чудеса и не собирается меня жалеть.

Но именно его грубые, надежные руки станут моим спасением. Он заставит меня пройти через ад, чтобы заново научиться стоять.

Мой бывший уверен, что я уничтожена и забыта. Он еще не знает: я вернусь. И когда он поймет, что потерял, будет слишком поздно. Ведь теперь меня держит тот, кто никогда не отпустит. А золото..оно рядом!

В тексте есть: Жестокое предательство мужа (бывший получит по заслугам по полной программе!) Властный, суровый герой (настоящая каменная стена с золотыми руками) Сильная героиня (от инвалидного кресла до невероятного триумфа) ♥# Противостояние характеров и чувственное исцеление Эмоции на грани и шикарная месть ✓ Обязательный Хэппи-Энд!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Вадим)	20
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6(Вадим)	61
Глава 7	74
Глава 8	87
Глава 9	101
Глава 10	112
Глава 11	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Глава 1

В комнате царил идеальный, почти пугающий порядок. Синий полумрак зимнего утра облизывал стальные углы комода и падал на мои руки, лежащие поверх шелкового одеяла. Пять тридцать утра. Мой внутренний будильник всегда срабатывал на долю секунды раньше электронного писка.

Я повернула голову. Левая половина нашей огромной кровати была уже пуста и идеально заправлена. Вадим не умел просыпаться иначе — он просто вставал, и пространство вокруг него мгновенно принимало боевую готовность. Никаких смятых простыней, никаких брошенных подушек. Пять лет назад мне казалось это признаком невероятной дисциплины, высшего мужского качества. Сегодня это казалось мне симптомом жизни в морге.

Я села, ощущая привычную скованность в мышцах. Мое тело было моей картой: здесь, в районе лопатки, ныло после неудачного приземления в прошлом месяце; здесь, на ладонях, кожа огрубела от бесконечных вращений на брусках. Но настоящая проблема жила в правом голеностопе. Тупая, пульсирующая боль, которая ждала, когда я сделаю первый шаг.

— Арина, ты проснулась? — голос Вадима донесся из коридора. Ровный, лишенный утренней хрипотцы.

— Да, — я спустила ноги на холодный пол.

Я знала, что будет дальше. Этот ритуал не менялся годами. Сначала — весы. Они стояли в ванной комнате, точно по центру белого кафельного квадрата. Мой личный алтарь и моя плаха.

Вадим ждал меня там. Он уже был в спортивном костюме — безупречно черном, с логотипом федерации на груди. Высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и лицом, которое на плакатах выглядело мужественным, а вблизи — высеченным из камня. В тридцать лет он выглядел как человек, который никогда не сомневается.

— Вставай, — он кивнул на весы.

Я шагнула на стеклянную поверхность. Холод обжег ступни. Цифры замелькали, принимая решение о моем настроении на ближайшие четырнадцать часов.

Сорок восемь килограммов семьсот пятьдесят граммов.

Я задержала дыхание. Вадим наклонился, прищуриваясь. Его близость всегда пахла дорогим парфюмом с нотками кедра и свежесваренным эспрессо. И никакой нежности.

— Плюс сто пятьдесят граммов, Арина, — произнес он, и в его голосе проскользнул металл. — Мы обсуждали ужин. Рыба была лишней? Или ты опять пила воду перед сном?

— Это вода, Вадим. Вчера была тяжелая тренировка, мышцы забились... — я попыталась сойти с весов, но его ладонь легла мне на талию.

Он не обнял меня. Он просто зафиксировал, как фиксируют деталь в станке. Его пальцы, длинные и сильные, слегка

сжали кожу на боку. Я непроизвольно втянула живот.

— Сто пятьдесят граммов на снаряде превращаются в лишнюю нагрузку на голеностоп. У тебя и так проблемы с приземлением на прыжке. Ты же не хочешь подвести страну? Не хочешь подвести меня?

Он посмотрел мне прямо в глаза. Его радужка была цвета замерзшего озера — красивая и непроницаемая. В такие моменты я чувствовала себя не женой, а скаковой лошадью, на которую поставлено слишком много.

— Я всё отработаю в зале, — тихо пообещала я.

— Разумеется, отработаешь. Другого варианта у нас нет. Через две недели чемпионат в Швейцарии. На кону контракт с «Nike» и твоя личная страница в истории. Ты должна быть совершенством.

Он похлопал меня по бедру — коротко, ободряюще, как тренер одобряет удачный прогон — и вышел.

На кухне меня ждал завтрак: тридцать граммов овсянки на воде и горсть витаминов. Магний, омега-3, группа В, еще какие-то капсулы, которые Вадим заказывал из Германии. Наш быт был стерилен. В этой квартире, обставленной по последнему слову дизайнерской мысли — стекло, бетон, кожа — не было места мелочам, которые делают дом домом. Здесь не пахло выпечкой, здесь не было разбросанных книг. Только мои кубки за стеклом, подсвеченные софитами, и его дипломы в строгих рамках.

Я смотрела на таблетницу и вспоминала, как пять с поло-

виной лет назад всё было иначе. Или мне просто хотелось так думать? Тогда я была девятнадцатилетней девчонкой, подающей надежды, а он — молодым, амбициозным тренером, который вырвал меня из рук посредственного наставника. Он обещал мне мир. И он дал мне его. Но взамен забрал всё остальное.

— Ты сегодня в графике? — Вадим вошел на кухню, проверяя что-то в своем планшете.

— Да. Хореография, потом основная программа, физиотерапия в час.

— Хорошо. Вечером заедем в агентство, нужно утвердить макет для рекламного ролика. И не забудь, — он наконец поднял на меня взгляд, — улыбайся больше. Спонсоры любят твою «солнечную» энергию. Хотя сейчас ты выглядишь как привидение.

«Потому что я устала, Вадим. У меня болит нога, и я не спала нормально уже полгода», — фраза застряла в горле. Я знала ответ. «Боль — это иллюзия слабого мозга, Арина».

Я поднялась, чтобы убрать посуду, но Вадим уже направился к выходу.

— Я в машину, не задерживайся. И проверь мою куртку, я, кажется, оставил там ключи от загородного офиса.

Он вышел, захлопнув дверь, и в квартире стало невыносимо тихо. Эта тишина всегда была моей единственной подружкой. Она не требовала от меня двойного сальто и безупречной растяжки.

Я зашла в гардеробную. Среди безупречных рядов спортивной формы и вечерних платьев, которые я надевала раз в полгода на приемы, лежала его рабочая куртка. Тяжелая, пахнувшая холодным воздухом паркинга.

Я запустила руку в карман. Ключей не было. Зато пальцы наткнулись на сложенный в несколько раз клочок бумаги.

Обычно я не лазила по его вещам — у нас не было на это времени, да и поводов Вадим не давал. Он был слишком занят карьерой. Моей карьерой. Но что-то в этом листке было не так. Слишком плотный, слишком... случайный для его идеального мира.

Я развернула его. Это был фирменный бланк одного из тех пафосных отелей в центре Москвы, где обычно останавливались иностранные делегации. На обратной стороне, размашистым, летящим женским почерком было написано:

«Номер 420. Жду. Не опаздывай, тренер. Сегодня будем работать над твоей „гибкостью“».

И внизу — крошечный отпечаток помады цвета «пыльная роза».

В глазах на мгновение потемнело. Воздух в гардеробной стал густым, как клейстер. Я перечитала записку трижды. «Тренер». Так его называли все в зале. Но помада... и этот номер отеля...

— Арина! Ты скоро? — его окрик из подъезда заставил меня вздрогнуть.

Я быстро сложила листок по старым сгибам и засунула его

обратно в карман. Руки мелко дрожали. Мозг, привыкший к дисциплине, мгновенно начал строить защитные баррикады. Это записка от Лики? Или от кого-то из администрации федерации? Может, это шутка? Вадим не мог. Он слишком ценит репутацию. Он слишком ценит нас.

Но «гибкость» в кавычках жгла мне сознание сильнее, чем содранные о брусья мозоли.

Я надела кроссовки, подхватила сумку и вышла. В зеркале в прихожей на меня взглянула бледная женщина с тугим узлом волос на затылке. Глаза — огромные, испуганные. Я заставила себя расправить плечи.

В машине Вадим был как обычно сосредоточен. Он диктовал кому-то сообщение по громкой связи, обсуждая график тренировок на завтра.

— Всё нормально? — спросил он, когда мы выехали на проспект. — Ты какая-то дерганая.

— Просто не выспалась. Голова болит.

— Выпей ибупрофен. У нас сегодня важный день, Арина. Завтра приедет комиссия из федерации. Нужно хорошо подготовиться. Ты должна показать свой лучший результат.

— Вадим... — я посмотрела на его профиль. Жесткая челюсть, прямой нос. — А ты... ты поедешь сегодня после обеда в федерацию?

Он на секунду замешкался. Совсем незаметно для чужого глаза, но я знала каждое микродвижение его лица.

— Да. Нужно утрясти вопросы по страховке. А что?

— Просто спросила.

Страховка. Отель «Плаза», номер 420. Страховка.

Я отвернулась к окну. Москва пролетала мимо серым пятном. Люди спешили на работу, кутались в шарфы, смеялись. Они были живыми. А я чувствовала себя механизмом, у которого только что обнаружили критическую поломку.

Голеностоп снова прострелило острой болью. Я стиснула зубы.

Мы подъехали к тренировочному комплексу — огромному стеклянному кубу, который я ненавидела и обожала одновременно. Здесь была моя жизнь. Другой я не знала.

— Иди, переодевайся, — Вадим припарковался и повернулся ко мне. На мгновение его взгляд смягчился. Он протянул руку и поправил выбившуюся прядь у моего виска. — Ты — лучшее, что я когда-либо создавал, Ари. Помни об этом.

Он сказал это с такой гордостью, что мне стало тошно. «Создавал». Не любил. Не оберегал. Создавал. Как скульптор создает статую из холодного мрамора.

Я вышла из машины, вдыхая морозный воздух. Внутри зала уже слышался гул, музыка, крики тренеров. Запах магнезии и пота ударил в нос, привычно мобилизуя все ресурсы организма.

В раздевалке былолюдно. Девчонки из юниорской сборной щебетали, обсуждая новые купальники. В углу, перед зеркалом, стояла Лика. Та самая рыжая восемнадцатилетняя выскочка, которую Вадим взял в группу полгода назад. Она

была яркой, шумной и обладала той наглой уверенностью, которая бывает только у людей, еще не знавших крупных поражений.

— Привет, Арин! — бросила она, поправляя помаду.

Я замерла. Цвет помады был «пыльная роза». Один в один.

— Привет, — я постаралась, чтобы голос не дрогнул.

— Как вес? Вадим сегодня злой, — она подмигнула мне в зеркало. — Сказал, что если мы не покажем драйв, он нас в зале закроет до ночи.

Я промолчала, открывая свой шкафчик. На душе скребли кошки. Лика была талантлива, это признавали все. Но её техника была... грязной. Вадим всегда говорил, что она — «грубый алмаз», которому нужна огранка.

«И номер 420 для этой огранки подходит идеально?» — пронеслось в голове.

Я натянула тренировочный лонгслив, чувствуя, как ткань облегает тело. Тейпирование ноги заняло больше времени, чем обычно — руки не слушались. Боль в голеностопе стала отчетливей, она словно предупреждала: «Остановись. Обрати на меня внимание». Но я привыкла игнорировать сигналы своего тела. В нашем мире тело — это враг, которого нужно подчинить.

Зал встретил меня привычным светом мощных ламп. Вадим уже стоял у бревна, о чем-то переговариваясь с другими тренерами. Он выглядел как хозяин этой территории. Когда

я подошла, он лишь коротко кивнул.

— Разминка, Спасская. И на брусья. Посмотрим твою новую связку.

Я начала привычный ритуал. Растяжка, шпагаты, разогрев связок. Каждое движение было выверено до миллиметра. Я была идеальным инструментом.

Но сегодня между мной и этим инструментом появилась трещина. Она была крошечной, как волос на лобовом стекле, но я знала: стоит надавить чуть сильнее — и всё разлетится вдребезги.

Я смотрела на мужа. Он стоял к окну спиной, и солнце создавало вокруг него ореол, делая его фигуру еще более внушительной. Он был моим миром. Моим богом. Моим предателем?

Записка в кармане куртки стояла перед глазами, хотя я оставила её там, в машине. Или нет? Я вдруг испугалась, что она выпала, что её найдет кто-то другой.

— Арина, ты спишь на ходу! — рывкнул Вадим. — Брусья ждут!

Я встряхнула головой, отгоняя мысли. Нанесла магнезию на ладони. Белое облако пыли поднялось в воздух. Глубокий вдох.

Я запрыгнула на нижнюю жердь. Толчок, мах, переход на верхнюю. Воздух свистел в ушах. Мое тело знало, что делать. В эти секунды я была свободна. На брусьях нет весов, нет записок, нет страха. Есть только инерция и контроль.

Я сделала перелет, и на мгновение мне показалось, что я вижу взгляд Вадима. Он смотрел не на мои руки, не на чистоту линий. Он смотрел на часы.

«Не опаздывай, тренер».

Рука соскользнула. Это была секундная потеря концентрации, почти незаметная для постороннего глаза, но я почувствовала, как сорвался ритм. Я удержалась, завершила связку и приземлилась.

Голеностоп отозвался резким, режущим криком боли. Я устояла, но в глазах посыпались искры.

— Грязно, Арина! — Вадим подошел вплотную. Его лицо было искажено недовольством. — Что с перехватом? Почему локти не заблокированы?

— Я... — я пыталась отдышаться. — Вадим, нога. Она очень болит.

Он даже не взглянул на мой голеностоп.

— У всех что-то болит. Если ты хочешь быть первой, ты должна забыть про боль. Иди и переделай прогон. И на этот раз — без ошибок.

Я посмотрела на него, и впервые за пять лет мне захотелось не подчиниться, а закричать. Сказать ему про записку, про помаду, про то, что я больше не могу быть его идеальным проектом.

Но вместо этого я кивнула.

— Хорошо. Сейчас сделаю.

Я снова подошла к брусьям. В углу зала Лика выполняла

упражнения на ковре. Она смеялась, кокетничая с кем-то из помощников тренера. Она была живой.

Я же чувствовала себя механизмом, у которого кончается завод.

Весь тренировочный день прошел как в тумане. Я работала на износ, игнорируя вспышки боли. Вадим был неумолим. Он требовал, исправлял, кричал. Он был везде. И в то же время его здесь не было — его мысли явно блуждали где-то далеко.

В два часа дня он подошел ко мне, когда я сидела на мате, прикладывая лед к ноге.

— Мне нужно уехать, — бросил он, не глядя на меня. — В федерацию. Буду поздно. Домой доберешься на такси.

— Хорошо, — ответила я.

— И Арина... — он на секунду задержался. — Завтра контрольный прогон. Вес должен быть в норме. Никаких поблажек.

Он развернулся и быстро зашагал к выходу. Я смотрела ему в спину, пока дверь зала не закрылась за ним.

Я знала, что он едет не в федерацию. Я знала это каждой клеткой своего тела, которое он так тщательно тренировал.

Я поднялась, преодолевая сопротивление мышц. В раздевалке уже было пусто — обеденный перерыв. Лица тоже исчезла.

Я переоделась, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Мои движения были механическими. Я вызвала такси, но

когда машина приехала, я назвала не домашний адрес.

— Отель «Плаза», — тихо сказала я водителю.

Зачем я это делала? Я не знала. Какая-то часть меня надеялась, что я ошибаюсь. Что я приеду туда и увижу Вадима на деловой встрече в лобби. Или не увижу его вовсе.

Но сердце знало правду.

Москва стояла в пробках. Я смотрела на снежные заносы вдоль дорог, на серые лица прохожих. Жизнь казалась мне огромным, сложным механизмом, в котором я была всего лишь маленькой, заменяемой деталью.

Мы подъехали к отелю через полчаса. Огромное здание из стекла и гранита выглядело неприступным. Я расплатилась и вышла из машины.

Лобби встретило меня ароматом дорогих сигар и тихой джазовой музыкой. Я чувствовала себя здесь чужой в своем спортивном пуховике и кроссовках. Девушка за стойкой регистрации вежливо улыбнулась мне.

— Могу я вам помочь?

— Нет, спасибо. Я жду мужа. Он на встрече... в четырехсотых номерах.

Я прошла к лифтам, стараясь не привлекать внимания. Пальцы нажали на кнопку четвертого этажа.

Коридор отеля был застелен мягким ковролином, который поглощал все звуки. Здесь было тихо и пахло чистотой. Я шла вдоль дверей, читая цифры. 418... 419...

Я остановилась перед дверью. Сердце колотилось так сильно, что мне казалось, его слышно во всем коридоре. Я прижала ладонь к ровной поверхности двери.

Тишина.

А потом я услышала смех. Знакомый, звонкий смех Лики. И низкий, уверенный голос Вадима.

— Ты сегодня была великолепна, — произнес он. — Эта гибкость... Арина никогда так не сможет.

— Она старая, Вадим, — промурлыкала Лика. — Её время прошло. Ты же сам сказал — после чемпионата ты её спишешь.

— Она выполнит прыжок, принесет нам последний контракт, и я отправлю её на «пенсию». Мне не нужны калеки рядом, Лика. Мне нужны такие, как ты.

Я отшатнулась от двери, словно меня ударили током. Мир вокруг начал распадаться на пиксели. Слова «списать», «калека», «пенсия» крутились в голове безумным вихрем.

Я не стала стучать. Я не стала устраивать сцену. Я просто развернулась и пошла прочь по мягкому ковру, который больше не казался мне уютным. Он казался мне болотом, которое засасывает меня целиком.

Я вышла из отеля на морозный воздух. Снег падал на лицо, тая и смешиваясь со слезами, которые я не могла сдерживать.

Мой муж. Мой тренер. Человек, которому я отдала всё: свое здоровье, свою юность, свою душу. Он просто ждал, ко-

гда я сломаюсь окончательно, чтобы заменить меня новой деталью.

Я шла по улице, неразбирая дороги. Нога болела невыносимо, каждый шаг отдавался в позвоночнике. Но эта боль была ничем по сравнению с той, что разрывала меня изнутри.

Я зашла в небольшое кафе, просто чтобы согреться. Села за дальний столик у окна.

На экране телевизора над баром крутили повтор моего выступления на прошлом этапе Кубка мира. Там я летела. Там я была счастлива. Там я верила, что Вадим смотрит на меня с любовью.

Я закрыла глаза.

— Вы что-то будете заказывать? — подошла официантка.

— Кофе. Черный. Без сахара, — машинально ответила я.

Она ушла, а я осталась наедине со своим разрушенным миром.

Пять лет. Пять лет лжи. Пять лет в роли идеального проекта.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы всё ещё были белыми от магнезии, которая забилась в мелкие трещинки на коже. Я была чемпионкой. Я была легендой.

И я была абсолютно одна.

Я достала телефон. Хотела позвонить маме, но вспомнила, как она гордится моим браком, как она ставит Вадима в пример. Она не поймет. Никто не поймет.

Я открыла заметки в телефоне и написала всего одну фразу:

«Я больше не твоя деталь, Вадим».

Но я не отправила её. Еще не время. Впереди был чемпионат. Последний прыжок. Последний контракт.

Я должна была сделать это. Не ради него. Ради себя. Чтобы уйти красиво. Чтобы он увидел, что он теряет.

Я допила горький кофе и вышла на улицу. Город продолжал жить своей жизнью. А я начала свою. Первую главу своей новой, настоящей жизни, где нет места весам, расчету и предательству.

Но сначала... сначала мне нужно было выжить в этом финале.

Я поймала такси и поехала домой. В нашу пустую, холодную квартиру, где пахло кедром и эспрессо. Где каждый угол напоминал мне о моем поражении.

Я легла в кровать, не раздеваясь. Голеностоп пульсировал, требуя внимания. Я закрыла глаза и впервые за пять лет не стала думать о графике тренировок.

Я думала о Карелии. О лесах, о тишине, в которой нет судей и тренеров.

Я заснула под утро, когда Вадим еще не вернулся. Мне снилось, что я лечу. Но не на брусках. Я летела над озером, и у меня за спиной были настоящие крылья.

И никто, абсолютно никто не мог мне приказать приземлиться.

Глава 2(Вадим)

(от лица Вадима)

Запах Лики был повсюду. Он въелся в кожу под ремешком дорогих часов, запутался в волосах и, казалось, осел тонким слоем пудры на языке. «Пыльная роза» — чертовски подходящее название для аромата девчонки, которая выглядит как невинный цветок, но впивается в тебя шипами при первой же возможности.

Я осторожно закрыл входную дверь, стараясь, чтобы замок не щелкнул слишком громко. В нашей квартире всегда было слишком тихо, до звона в ушах. Арина любила эту пустоту, называла её «пространством для концентрации». Для меня же это была тишина склепа, где на полках, вместо фотографий, стояли золотые истуканы её наград.

В спальне царил полумрак. Свет уличных фонарей падал на кровать, выхватывая бледный профиль жены. Она спала, едва дыша. Тонкая, почти прозрачная — в свои двадцать пять она выглядела на девятнадцать, если не знать, какой стальной стержень заменяет ей позвоночник. Я замер в дверях, не снимая пиджака. Глядя на неё, я не чувствовал ни нежности, ни вины. Только глухое раздражение, которое бывает, когда смотришь на старую модель смартфона: экран еще целый, но процессор уже тормозит, а батарея не держит и половины дня.

Арина была моим лучшим творением. Пять лет я полировал этот мрамор, превращая талантливую девочку в машину для сбора медалей. Я выстроил её график, её питание, её образ мыслей. Я научил её побеждать даже тогда, когда связки стонали от боли. Но сейчас, глядя на её неподвижную фигуру, я понимал: ресурс исчерпан. Голеностоп, на который она часто жаловалась, был приговором. Я знал о нём всё. Я видел её медицинские карты, когда она думала, что я изучаю отчеты спонсоров.

Она ломалась. И я не собирался идти на дно вместе с ней. Я прошел в свой кабинет и плотно закрыл дверь. Щелчок ноутбука прозвучал как выстрел. На экране засветились таблицы — сухие цифры, графики, условия контрактов. Главный документ висел в топе: «Nike. Основные условия. Приложение №1». Сумма с шестью нулями была привязана к одной-единственной медали. Золото чемпионата мира. Если Арина его берет — мы в шоколаде. Моя академия гимнастики получает полное финансирование, а я перехожу в разряд спортивных функционеров, которым не нужно каждый день дышать магнием в зале.

А если нет... если её нога подведет в финале...

— Ты не подведешь, Ари, — прошептал я, глядя в темноту окна. — Ты выжмешь из себя это золото. Даже если это будет последнее, что ты сделаешь в своей карьере.

Я открыл скрытую папку на удаленном диске. «Проект: Смена». Внутри были фото Лики. Восемнадцать лет. Резкая,

дерзкая, с той первобытной жадой славы, которую Арина давно променяла на усталую покорность. Лика не была идеальной, нет. Её техника была сырой, движения — слишком размашистыми. Но у неё было то, чего не купишь за тренировочные часы — энергия. Она была как свежая кровь в системе, которая начала загнивать.

Я вспомнил её в номере отеля. Как она смеялась, закинув ноги на спинку кресла. Она не боялась меня. Она не смотрела на меня как на бога, в отличие от Арины. Она смотрела на меня как на партнера по сделке. И эта честность меня возбуждала.

— Ты её спишешь? — спросила она сегодня, поправляя помаду. — Сделаешь меня лицом своей школы?

— Сначала золото, Лика. Мне нужен фундамент. Спаская должна уйти королевой, чтобы ты могла занять трон без лишних вопросов.

Я закрыл ноутбук. Спать оставалось три часа.

Я вспомнил теперь уже вчерашнее утро, которое началось по расписанию. Я привык функционировать в режиме автопилота. Душ, эспresso, проверка весов.

Арина стояла на весах, и я видел, как мелко дрожат её икры. Сто пятьдесят граммов. В мире профессионального спорта это не погрешность. Это симптом потери контроля.

— Плюс сто пятьдесят граммов, Арина, — я произнес это максимально сухо.

Её реакция была предсказуемой: попытка оправдаться, слабый голос. Я чувствовал, как внутри закипает злость. Не на неё — на ситуацию. Каждые сто грамм — это лишняя нагрузка на её чертов голеностоп. Если она развалится раньше времени, мой план полетит к чертям. Я сжал её талию, чувствуя под пальцами податливое тело. Она втянула живот. Она боялась меня. И этот страх был единственным, что ещё заставляло её работать.

— Сто пятьдесят граммов на снаряде превращаются в лишнюю нагрузку...

Я читал этот текст как заезженную пластинку. Мне было плевать на её чувства, мне нужно было, чтобы она испугалась. Испуг активирует адреналин. Адреналин маскирует боль.

За завтраком я почти не смотрел на неё. Она сидела напротив, бледная, с темными кругами под глазами. «Привидение», — подумал я. Мой взгляд скользнул по её рукам — мозоли, пластыри. Раньше это казалось мне признаком трудолюбия. Теперь — свидетельством износа.

— Проверь мою куртку, — бросил я, вставая. — Кажется, оставил там ключи.

Я намеренно оставил куртку в гардеробной. Там, в кармане, лежал листок из «Плазы». Маленькая проверка на прочность. Если она найдет — устроит скандал? Сломается? Или, как обычно, проглотит и пойдет пахать? Мне нужно было знать, насколько сильно она еще держится за наш «идеаль-

ный» брак.

Когда мы вышли к машине, она была тише обычного. В её движениях появилась какая-то новая, ломкая осторожность.

— Всё нормально? — спросил я, выруливая со двора.

— Просто не выспалась. Голова болит.

Классика. Я не стал развивать тему. Если она думает, что я буду сопереживать её мигреням за две недели до старта, она плохо меня знает....

Я встал, закрыл ноутбук пошел спать...

Это утро прошло как обычно, душ, весы, завтрак и спорт-комплекс.

Здесь воздух всегда был другим — спертым, тяжелым от талька и напряжения. Для меня это был запах денег и власти. Я вошел в холл, чувствуя, как взгляды вахтеров и младших тренеров впиваются в мою спину. Волков идет. Великий и ужасный.

В тренерской меня уже ждал Игорь Петрович — грузный мужчина с лицом цвета сырой говядины, один из главных тузов в федерации. Он сидел в моем кресле, по-хозяйски положив локти на стол.

— Ну что, Вадим, — пробасил он, даже не предлагая мне сесть. — Твоя Спасская готова? Спонсоры волнуются. Говорят, на прошлой неделе она хромала после прогона.

Я заставил себя улыбнуться. Спокойно, уверенно.

— Слухи, Игорь Петрович. Конкуренты не спят. Арина в лучшей форме за последние три года. Мы подготовили пры-

жок, который никто в мире сейчас не повторит. Пять целых и восемь десятых по коэффициенту сложности.

— Смотри мне, — Петрович прищурился. — Контракт с «Nike» — это не только твои амбиции. Это престиж федерации. Если она завалится, ты знаешь, что будет. Лицензию твою я лично в шредер засуну.

— Она не завалится. Я гарантирую.

Когда он ушел, я несколько секунд просто стоял у окна, глядя на тренировочное поле. Внизу, у ковра, Лика разминаясь, делая махи ногами. Она увидела меня в окне второго этажа и едва заметно улыбнулась, облизнув губы. На её губах была та самая помада.

Я почувствовал укол азарта. Эта игра на грани фола бодрила лучше любого кофеина.

В зале начался обычный ад. Я ходил между снарядами, выкрикивая замечания. Мой голос отражался от стен, как хлыст.

Я наблюдал за Ариной через линзу своего профессионального цинизма. Она работала безупречно. Каждая линия, каждый докрут — математическая точность. Но в этом не было жизни. Это была работа автомата.

А потом вышла Лика.

Она делала вольные упражнения под агрессивную музыку. Ошибалась в приземлениях, недотягивала носки, но зал буквально искрил от её присутствия. Юниорки замирали, глядя на неё. Она была живой. Она была будущим.

Я подошел к ковру, когда она закончила прогон. Она тяжело дышала, пот катился по её вискам, размазывая ту самую «пыльную розу».

— Грязно, Лика, — сказал я тихо, так, чтобы слышала только она. — Но потенциал есть. Вечером разберем твои ошибки.

— Опять в 420 м? — дерзко шепнула она, вытирая лицо полотенцем.

— Не болтай лишнего. Работай.

Я вернулся к брусам, где Арина заходила на вторую связку. Она сорвалась. Совсем немного, едва заметное касание жерди локтем, но для неё это было катастрофой. Я видел, как она приземлилась. Её правая нога едва заметно дрогнула.

Я подошел к ней, она опять начала жаловаться на боль в ноге..

В этот момент я почувствовал к ней почти физическую ненависть. За её слабость. За то, что она напоминает мне о риске моего провала.

В обед ко мне заглянул Олег — мой юрист и человек, который знал о моих делах больше, чем законная жена. Мы закрылись в тренерской.

— Готово? — спросил я, не оборачиваясь.

Он положил на стол синюю папку.

— Всё, как ты просил, Вадим. Проект бракоразводного соглашения. По нему всё имущество, приобретенное на агентские отчисления, остается за фондом «Академия Вол-

кова». Арина подписала те доверенности месяц назад, так что юридически подкопаться не к чему. Она сама передала тебе право управления своими активами.

— А бренд «Спасская»?

— Переоформлен на твою новую фирму. Теперь любое использование её имени, фото, архивных съемок — под твоим контролем. Даже если она захочет открыть свою школу в будущем, ей придется платить тебе роялти. Или менять фамилию.

Я открыл папку. Листы пахли типографской краской. Это был запах моей свободы.

— Хорошо. Когда подаем?

— Сразу после финала. Как только она сойдет с пьедестала и подпишет акты приемки по контракту «Nike». Сначала деньги на счет — потом иск в суд.

Я кивнул. Мой взгляд упал на монитор системы видеонаблюдения. В зале Арина снова и снова заходила на связку на брусках. Одна. В пустом зале, пока остальные обедали. Она была похожа на заведенную игрушку, которая будет прыгать, пока пружина не лопнет.

— Она хоть подозревает? — спросил Олег, проследив за моим взглядом.

— Арина? Нет. Она слишком занята своими баллами и своей болью. Она верит, что мы — команда. Что я всё делаю ради её блага.

— Жестоко, — Олег усмехнулся, убирая ручку в карман.

— Жестоко — это остаться у разбитого корыта с бывшей чемпионкой на руках, которая будет требовать внимания и сочувствия, пока я теряю лучшие годы своей карьеры. В нашем бизнесе, Олег, выживают только те, кто вовремя меняет изношенные детали.

Я подошел к окну. Вадим Волков не проигрывает. У меня будет золото. У меня будет контракт. У меня будет Лика и новая академия, названная моим именем.

А у Арины... у Арины останутся её кубки. Они красивые. И они совершенно холодные. Как и она сама.

Я взял телефон и набрал сообщение: «Документы на регистрацию Лики как основного лица новой академии готовы. Ждем финала».

Отправив его, я почувствовал странное удовлетворение. Пазл складывался идеально.

— Вадим, ты идешь? — Арина заглянула в тренерскую. Она выглядела изможденной. — Я закончила прогон.

— Иду, — я захлопнул папку и убрал её в сейф. — Иди в машину. Я закончу с документами и выйду.

Она кивнула и закрыла дверь.

Я еще минуту смотрел на пустой стул, на котором только что лежал план её уничтожения. Никаких эмоций. Просто бизнес.

Через две недели эта страница будет перевернута. И я начну писать новую историю. С чистого листа, на котором не будет места старым травмам и чужим слезам.

Глава 3

Чемодан закрылся с глухим, окончательным звуком, похожим на выстрел в закрытом пространстве. Вспышка боли в голеностопе заставила меня на мгновение прикусить губу, чтобы не вскрикнуть. Это был мой привычный ритуал: упаковать жизнь в двадцать три килограмма разрешенного веса, проверить тейпы, сложить трико и спрятать страх поглубже, под слой выглаженной формы с гербом страны.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы мелко дрожали. Недавний визит в отель «Плаза» казался мне дурным сном, липким кошмаром, который должен был раствориться в утреннем свете. Но он не растворился. Он застыл внутри тяжелым свинцовым осадком.

Вадим вошел в спальню, на ходу застегивая манжеты белой рубашки. Он выглядел безупречно — как всегда. Мужчина с обложки, символ успеха, идеальный тренер идеальной чемпионки. Его взгляд скользнул по чемодану, потом по мне. Никакой теплоты, только инспекция.

— Билеты у меня, паспорта тоже. Ты проверила магнетию? — спросил он, поправляя воротник перед зеркалом.

— Проверила, — мой голос прозвучал глухо, словно принадлежал кому-то другому.

Я подошла к туалетному столику и взяла в руки кольцо — белое золото, тяжелое, холодное. Вадим подарил его мне на

пятую годовщину брака, три месяца назад. Тогда я плакала от счастья, думая, что это символ его любви. Теперь я видела в нем только ошейник. Дорогой, статусный, с гравировкой «Спасская» на обратной стороне застёжки. Он дарил его не мне. Он дарил его своему самому успешному бренду.

— Красивое, — бросил он, поймав мой взгляд в зеркале. — Надень его сегодня на пресс-конференцию в аэропорту. Фотографы любят детали.

— Хорошо, Вадим.

Я надела цепочку. Металл обжег кожу. В голове снова зазвучал голос Вадима: «Я её спишу... Мне не нужны калекки рядом».

Каждое его движение теперь казалось мне фальшивым. То, как он уверенно брал сумку, как по-хозяйски распоряжался пространством — всё это было лишь оболочкой, за которой скрывался расчетливый делец, готовый выбросить изношенную вещь на помойку.

На кухне пахло свежемолотым кофе. Вадим пил свой эспрессо, быстро пролистывая новости в телефоне.

— Вадим, — я присела на край стула, не притрагиваясь к своей порции овсянки. — Я вчера слышала... в зале говорили про какую-то новую академию. Твою личную академию.

Его пальцы на секунду замерли над экраном. Едва заметная пауза, которую не заметил бы никто, кроме женщины, прожившей с ним пять лет.

— Слухи всегда бегут впереди дел, Арина, — он поднял

глаза, и в них не было ни тени смущения. — Есть мысли расширяться. Но это всё — после чемпионата. Это наше будущее, понимаешь? Твоё и моё. Когда ты закончишь выступать, ты станешь главным лицом этого проекта.

Он лгал. Лгал так легко и естественно, что мне на мгновение захотелось поверить в «Наше будущее». В его версии будущего меня не было. Там была Лика, номер 420 и мои деньги, которые он уже считал своими.

— Ты бледная, — он нахмурился, отодвигая чашку. — Вес в норме?

— В норме.

— Пойдем. У нас последняя тренировка перед вылетом. Нельзя расслабляться. В аэропорту будет пресса, ты должна выглядеть как триумфатор, а не как жертва голодовки.

Я поднялась, чувствуя, как голеностоп протестует против каждого шага. Мы вышли из квартиры — нашего стерильного, дорогого аквариума, где не осталось воздуха.

Зал встретил нас привычным гулом. Но сегодня к запаху магнезии добавился запах предстартовой лихорадки. У входа стояли люди с камерами — Стас, ведущий пиар-менеджер федерации, махал нам рукой.

— Вадим, Арина! Отлично выглядите! — Стас, худощавый мужчина в очках с толстой оправой, мгновенно подскочил к нам. — Сделаем пару кадров «идеальной пары» перед отъездом? Стране нужны герои, которые любят друг друга.

Вадим тут же переменялся. Он обнял меня за плечи, при-

тянул к себе. Я почувствовала его тепло, которое теперь казалось мне ледяным. Он улыбнулся в объектив — та самая открытая, уверенная улыбка, которой верили миллионы.

— Мы готовы, Стас. Арина в лучшей форме. Мы летим за победой.

Я выдавила из себя ответную улыбку. Мои губы были словно деревянные. Я чувствовала себя актрисой в дешевом театре, где режиссер — мой палач.

Лица уже была в зале. Она крутилась у бревна, демонстративно игнорируя наше появление, но я видела, как она косится на Вадима. На её губах была та самая помада — «пыльная роза». Она выглядела вызывающе здоровой. Сильной. Гладкой.

— Спасская, на ковер! — скомандовал Вадим, отпуская мою талию. Его голос мгновенно потерял мягкость, предназначенную для прессы. — Разминка. Потом прогон вольных.

Я пошла к матам. Нога ныла. Каждый шаг был похож на прогулку по битому стеклу, спрятанному под кожей. Я села на пол и начала разминаться, стараясь не смотреть в сторону Вадима. Но глаза предательски искали его.

Он стоял у судейского столика, обсуждая что-то с хореографом. Его жесты были резкими, властными. Я видела, как он доминирует над всеми в этом помещении. И я была его главной собственностью.

— Подойди сюда, — позвал Вадим через полчаса.

Я подошла к скамье. Он уже держал в руках рулон тейпа

и ножницы.

— Садись. Ногу на колено.

Я подчинилась. Вадим опустился на одно колено передо мной. Эта поза — поза рыцаря перед дамой — в нашем случае была лишь технической необходимостью. Он взял мою правую ступню в свои руки. Его пальцы были сухими и жесткими.

Он начал накладывать тейп. Его движения были быстрыми, профессиональными. Но когда он дошел до места растяжения, его большой палец с силой вдавился в самый центр воспаленного сустава.

Я не выдержала и вскрикнула, дернувшись назад.

— Тише, — холодно бросил он, не ослабляя хватку. — Я должен проверить амплитуду. Если ты сорвешься на ковре из-за того, что сустав «гуляет», винить будет некого.

— Мне больно, Вадим... очень больно.

Он поднял на меня взгляд. В его глазах не было сочувствия. Только холодный расчет, как у механика, проверяющего изношенную деталь.

— Боль — это просто сигнал мозга о том, что ты жива, Арина. Осталось совсем немного. Ты же не подведешь меня в самом конце? Столько сил вложено, столько денег... Один рывок. Потерпи.

Он надавил еще сильнее, фиксируя ленту. Я закусила губу до крови. Он не лечил меня. Он запечатывал мою травму, как запечатывают трещину в плотине скотчем, зная, что она

всё равно рухнет. Ему просто нужно было, чтобы плотина продержалась еще три дня. До момента, пока деньги не упадут на счет.

— Вставай, — он похлопал меня по голени. — Пробуй опору.

Я встала. Нога была стянута так плотно, что казалась чужой, онемевшей. Но боль никуда не ушла, она просто стала тупой, пульсирующей в такт сердцу.

— Нормально, — соврала я.

— Вот и отлично. Иди на вольные. Стас снимет фрагмент для промо-ролика. Улыбайся, Арина. Ты — лицо бренда.

Музыка началась внезапно. Мощные аккорды фортепиано, которые раньше наполняли меня силой, теперь звучали как похоронный марш.

Я начала движение. Прыжок, шпагат, кувырок. Я летела по ковру, а перед глазамиплыли пятна. Каждый раз, когда я приземлялась на правую ногу, в мозг стрелял электрический разряд. Я видела Стаса с камерой, видела Вадима, который стоял со скрещенными на груди руками.

Я делала всё идеально. Мое тело, вымуштрованное годами адского труда, работало на автопилоте. Я улыбалась в объектив, демонстрируя ту самую «солнечную энергию», которой так гордился мой муж.

В какой-то момент, выполняя поворот в углу зала, я увидела Лику. Она стояла у зеркальной стены, прислонившись к станку. Она не тренировалась. Она смотрела на меня с

неприкрытой жалостью и превосходством. Она знала то, чего я официально не должна была знать.

Я закончила прогон финальной позой. Зал заплодировал. Стас показал большой палец.

— Гениально! Арина, ты просто космос! — крикнул он.

Я медленно опустила руки. Спина была мокрой от пота, тейп на ноге намок и начал отклеиваться. Я тяжело дышала, чувствуя, как мир вокруг слегка покачивается.

Вадим подошел ко мне, но не для того, чтобы поздравить.

— В третьей связке приземление было жестким. Ты бережешь ногу. Не смей этого делать на чемпионате. Судьи увидят хромоту — и баллы полетят вниз.

— Я стараюсь...

— Старайся лучше. Иди, выпей протеин и собери сумку. Через два часа за нами приедет водитель.

Он развернулся и пошел к Лике, которая что-то активно обсуждала с помощником тренера.

Я направилась к стойке со снарядами, чтобы забрать свое полотенце и воду. Нога горела. Я чувствовала, как внутри сустава что-то надывается при каждом движении.

Я остановилась в тени у зеркальной колонны, переводя дух. Отсюда открывался вид на весь зал, но сама я была почти незаметна за стойками с весами.

Вадим подошел к Лике. Он что-то сказал ей, и она рассмеялась, запрокинув голову. Стас и другие тренеры уже ушли в раздевалки или в администраторскую, зал почти опустел.

И тогда я это увидела.

Вадим, проходя мимо Лики, как бы невзначай замедлил шаг. Его рука опустилась на её бедро, чуть ниже края коротких шорт, и собственническим, ленивым движением скользнула вверх. Это не был случайный жест. Это не было «поддержкой тренера». Это был жест любовника, который уверен в своей власти.

Ли́ка не вздрогнула, не отстранилась. Напротив, она прижалась к его руке на долю секунды, бросив вызывающий, победительский взгляд в мою сторону. Она знала, что я могу быть где-то рядом. Она хотела, чтобы я видела.

Вадим что-то шепнул ей на ухо — коротко, интимно — и погладил её по затылку, запуская пальцы в рыжие волосы. Тот самый жест, которым он когда-то успокаивал меня после проигрышей.

Мое сердце не просто разбилось. Оно рассыпалось в пыль. Все оправдания, которые я строила в своей голове, рухнули.

Я стояла, вцепившись пальцами в холодный металл стойки. Внутри меня кричала пустота. Мужчина, за которым я пошла бы в огонь, прямо сейчас, в моем зале, перед моим главным стартом, клеймил другую женщину как свою.

Вадим отстранился и, как ни в чем не бывало, направился в мою сторону. Ли́ка осталась стоять, самодовольно поправляя волосы.

Я успела отвернуться и сделать вид, что роюсь в сумке.

— Арина, ты чего там копаешься? — его голос звучал аб-

солютно спокойно. Ни тени вины. Ни капли сомнения. — Пора. Машина ждет.

Я выпрямилась. Моё лицо было каменной маской.

— Иду.

Я посмотрела на него — прямо, в упор. Он не отвел глаз. В его взгляде не было ничего, кроме нетерпения.

— Ты готова? — спросил он, подхватывая мою сумку.

— Готова, Вадим. Как никогда.

Мы вышли из зала. Снаружи Москва захлебывалась в серых сумерках. Холодный ветер ударил в лицо, вырывая слезы, которые я больше не могла скрывать. Но я выдала их за реакцию на мороз.

Я садилась в машину, понимая: этот полет будет последним. Не только в спорте. В моей жизни с этим человеком.

Я летела не за золотом. Я летела в эпицентр своей личной катастрофы. И человек, который сидел рядом со мной и уверенно сжимал руль, был тем, кто заложил под мою жизнь взрывчатку.

— Полетели, Ари, — сказал он, выруливая на трассу в сторону аэропорта. — Твоё время пришло.

«Да, Вадим. Моё время пришло», — подумала я, глядя на свое отражение в боковом стекле. В нем больше не было «солнечной» девочки. В нем была женщина, которая только что увидела, как её мир сгорает дотла. И в этом пепле начинало зарождаться что-то новое. Холодное. Острое. Ненавидящее.

Я прислонила голову к стеклу, слушая гул мотора. Впереди был чемпионат. Последний акт моей долгой, мучительной роли идеальной жены.

И я собиралась исполнить её так, чтобы он запомнил это навсегда.

Глава 4

Цюрих встретил нас колючим альпийским ветром и безупречной чистотой, которая казалась почти искусственной. Из иллюминатора бизнес-класса город выглядел как сложный часовой механизм: выверенный, дорогой, ледяной. Вадим на протяжении всего полета почти не говорил со мной. Он изучал судебские протоколы и профили моих соперниц, словно я была не его женой, а шахматной фигурой, которую он готовился агрессивно разменять на победу.

Арена «Hallenstadion» возвышалась над городом стальным монолитом. Здесь, под сводами этого высокотехнологичного купола, должен был решиться исход пяти лет моей жизни.

В зоне разминки воздух был таким густым от запаха магнезии, пота и разогревающих мазей, что его можно было резать скальпелем. Я стояла в полумраке технического коридора, прислонившись лопатками к бетонной стене. Где-то там, за тяжелым занавесом, ревел многотысячный зверь — швейцарская публика, избалованная качественным зрелищем, ждала свою «Золотую Арину». Неуязвимую машину, способную отменить законы гравитации.

Для них я была символом успеха. Для себя — перетянутым жгутами свертком оголенных нервов и старой боли.

Мой правый голеностоп под слоями жесткого тейпа превратился в онемевшее бревно. Анальгетик, который мне вколол врач нашей сборной полчаса назад, создавал иллюзию легкости, но я знала: это ложь. Внутри сустава, глубоко под кожей, жила тягучая, злая пульсация. Она просто ждала своего часа.

— Спасская, пять минут до выхода, — бросил проходящий мимо координатор с бейджем чемпионата.

Я оттолкнулась от стены. Пространство слегка качнулось, но я поймала равновесие. В этот момент из тренерской зоны вышел Вадим. В своем сшитом на заказ черном костюме он выглядел здесь как верховный жрец в храме, где я была главной жертвой. Его взгляд прошелся по мне — не по лицу, не по глазам, а по ногам. Инспекция инвентаря перед запуском.

— Тейп держит? — Его голос звучал сухо, перекрывая гул трибун.

— Держит, — ответила я, глядя на его идеально выбритый подбородок.

Вадим подошел вплотную и взял меня за плечи. Его пальцы впились в мои дельтовидные мышцы так сильно, что я почувствовала это даже через слой блокады.

— Слушай меня внимательно, Арина. В VIP-ложе, прямо по центру, сидит Майкл Лоуренс из «Nike». Рядом с ним — инвесторы из Женевы. Твой прыжок — это не просто баллы. Это всё, что мы строили эти годы. Ты должна приземлиться так, словно ты вешишь не сорок восемь килограммов, а пу-

шинку. Ясна задача?

Ни слова о том, что он волнуется за меня. Ни слова о том, что он будет рядом, что бы ни случилось. Только спонсоры, баллы и его амбиции. В памяти снова, как заезженная пластинка, всплыл его голос из номера 402: «Я её спишу... Мне не нужны калеки».

— Поняла, Вадим.

— И улыбайся. У тебя должно быть лицо самой счастливой женщины на планете, а не мученицы. Зритель не должен видеть, как тебе тяжело. Продай им эту легкость.

Он поправил бретель моего соревновательного купальника — интимный жест, который теперь казался мне прикосновением змеи — и слегка подтолкнул меня к выходу.

Я шагнула вперед, в темноту туннеля, ведущего на помост. Мимо меня скользнула Лица. Она уже отвыступала в своем блоке. Она дышала тяжело, пара рыжих прядей выбилась из пучка, а на губах играла та самая торжествующая, наглая улыбка. Проходя мимо, она задела мое плечо своим.

— Не упали, легенда, — прошептала она так тихо, что услышала только я. — Твое место уже остывает.

Я не ответила. Я смотрела прямо перед собой, туда, где занавес расходился, открывая ослепляющий, хирургически белый свет софитов.

Выход на ковер — это всегда прыжок в ледяную воду. Оглушительный рев трибун на мгновение сбивает дыхание, но потом тыходишь в «зону». Звуки стихают, превращаясь

в ровный гул крови в ушах. Есть только я, квадрат ковра и судьи, застывшие за своими столами.

Я подняла руки, приветствуя зал. Софиты грели кожу, магнезия на ладонях казалась инеем. Я видела Вадима — он занял свое место в первом ряду, прямо за низким техническим ограждением. Он не аплодировал. Он сидел, подавшись вперед, вцепившись длинными пальцами в колени. Хищник, ожидающий, когда его гончая принесет добычу.

Музыка началась внезапно — резкие, рваные аккорды виолончели. Моё тело отозвалось мгновенно.

Первая связка. Прыжок, перекидной, шпагат. Я летела. Нога, стянутая тейпами, держалась на честном слове и химии. При каждом касании ковра я чувствовала, как внутри сустава что-то опасно проскальзывает. Грязно. Я работала грязно, подсознательно перенося вес на левую сторону, чтобы сберечь голеностоп. Но для многотысячной толпы это был триумф.

«Раз-два, поворот, фиксация», — диктовал мой внутренний метроном.

Я видела лица в VIP-ложе. Майкл Лоуренс одобрительно кивал. Судьи делали пометки, не отрывая от меня глаз. Это было золото. Я почти чувствовала его вкус — горький, металлический, отдающий кровью от перенапряжения.

Я заходила на финальную диагональ. Тот самый прыжок. Тройное вращение с переворотом. Мой коронный элемент, который должен был поставить точку в этой главе моей жизни.

ни.

Музыка нарастала, готовясь к кульминации. Я разбежалась, чувствуя, как ковер пружинит под ногами.

«Сейчас!» — приказал мозг.

Толчок. Я взмыла вверх. Мир вокруг превратился в цветной, вращающийся калейдоскоп. Ощущение короткой неведомости было почти божественным. Один оборот. Второй. На третьем я поняла, что левая нога не дала нужной высоты, и вся тяжесть приземления неизбежно рухнет на правую.

Приземление.

В норме стопа должна была спружинить, погасив инерцию. Но вместо этого я почувствовала, как моя опора просто перестает существовать.

Хруст.

Он не был громким. Его не зафиксировали микрофоны швейцарской трансляции. Но для меня он прозвучал как пистолетный выстрел прямо в висок. Сухой, чудовищно четкий звук ломающейся толстой ветки.

Боль пришла не сразу. Первой была абсолютная потеря гравитации. Я увидела, как синий ковер стремительно несется мне навстречу. Я упала не как гимнастка — я рухнула бесформенным мешком, нелепо и страшно подогнув под себя правую ногу.

Зал ахнул. Этот единый вздох тысяч людей ударил по барабанным перепонкам.

Я попыталась подняться. По привычке, по вбитой в под-

корку рабской дисциплине. «Вставай! Зафиксируй финальную позу!» — вопило сознание. Я оперлась на руки, попыталась подтянуть правую ногу и тут же повалилась обратно.

Вспышка боли была такой силы, что мир перед глазами взорвался белыми пульсирующими пятнами. Голеностопа больше не существовало. Там, где должна была быть опора, теперь ощущалось горячее, пульсирующее месиво из разорванных связок и обломков костей. Тейп лопнул с влажным треском.

Я лежала на животе, судорожно хватая ртом воздух. Магнезия забилась в горло. Я видела свои руки — пальцы с побелевшими костяшками впились в ворс ковра.

Я повернула голову в сторону первого ряда. Мой взгляд искал только одного человека. Я знала, что он предатель, но животный инстинкт искал защиты у того, кто всегда был рядом.

Вадим стоял у барьера.

На долю секунды, на одно крошечное мгновение, которое не уловила ни одна камера, его маска слетела. Я увидела его истинное лицо. В его глазах не было ни ужаса, ни сострадания. Там билась чистая, неприкрытая ярость. Он бросил мимолетный взгляд на ложу спонсоров, на Лоуренса, который в шоке прикрыл рот рукой. Вадим понял, что его многомиллионный контракт только что разлетелся на куски вместе с моей костью. И он ненавидел меня за это.

Но Вадим Волков был слишком гениальным игроком, что-

бы позволить себе проиграть публично.

Щелчок — и маска вернулась на место.

Его лицо исказилось в гримасе абсолютного, неподдельного ужаса. Он оттолкнул стюарда, в один прыжок перемахнул через техническое ограждение и бросился ко мне.

Сотни камер мгновенно развернулись в нашу сторону. Вспышки засверкали непрерывной стробоскопической лентой.

— Арина! Господи, Арина! — крикнул он так громко, чтобы это попало в микрофоны репортеров.

Он рухнул на колени рядом со мной. Его руки, на вид такие бережные, обхватили мои плечи. Для всего зала, для миллионов зрителей у экранов он был убитым горем мужем, который в панике спасает свою любимую женщину. Трагический герой.

Но когда он наклонился ко мне, пряча свое лицо от объективов в изгибе моей шеи, его пальцы впились в мои ключицы так больно, что оставили синяки.

— Ты всё уничтожила, — прошипел он мне прямо в ухо. Его дыхание обжигало кожу, а голос был похож на шипение змеи. — Миллионы долларов, Арина. Ты всё слила.

Я захрипела от боли и ужаса, глядя в его ледяные глаза, находившиеся в сантиметре от моих.

— Не смей портить мне имидж, — добавил он тем же шепотом, пока к нам бежали врачи с носилками. — Плачь красиво. Мы играем трагедию.

Он резко отстранился, поворачиваясь к подбежавшим швейцарским медикам.

— Аккуратнее! Пожалуйста, осторожнее с её ногой! — в его голосе звенели слезы. Гениальный актер. Оскароносный мерзавец.

Врачи быстро зафиксировали мою ногу в вакуумную шину. Я почти теряла сознание от болевого шока, но сквозь плену видела, как Вадим не отходит от меня ни на шаг. Он держал меня за левую руку. Крепко, напоказ.

Меня переложили на жесткий щит. Когда носилки подняли, Вадим пошел рядом. Он специально замедлил шаг возле зоны прессы, позволяя фотографам сделать идеальные кадры: прекрасная, сломанная чемпионка и её преданный, убитый горем муж-тренер, который не отпускает её ладонь.

Камеры щелкали. Толпа на трибунах аплодировала мне стоя — это были аплодисменты прощания.

В тоннеле арены вспышки прекратились. Как только мы свернули за угол, скрывшись от глаз журналистов, хватка Вадима на моей руке мгновенно ослабла. Он всё еще шел рядом до самой машины скорой помощи, потому что там были врачи сборной, но его лицо уже окаменело.

Меня загрузили в салон реанимобиля. Врач в синей форме надел мне на лицо кислородную маску. Пластик пах лекарствами и концом света.

Вадим запрыгнул следом, сев на откидное кресло у дверей. Швейцарский парамедик что-то быстро говорил ему по-

английски, Вадим кивал, изображая внимание.

Но я видела, как он достал телефон. Пока сирена скорой помощи разрывала ночной Цюрих, увозя меня в хирургическое отделение, мой муж быстро, с раздражением печатал сообщения. Он не смотрел на меня. Его пальцы летали по экрану. Он спасал свои активы. Он связывался с Ликой. Он организовывал новую пиар-кампанию.

Для всего мира он поехал в больницу со своей покалеченной любовью.

А для меня он умер прямо там, на ковре арены.

Обезболивающее наконец начало действовать, накрывая меня тяжелым, удушливым одеялом тьмы. И я с благодарностью провалилась в это небытие, чтобы больше не видеть его сосредоточенного, холодного лица, подсвеченного экраном смартфона.

Глава 5

Возвращение в реальность началось с запаха. Острый, химический аромат хлоргексидина, смешанный с ледяной, почти звенящей стерильностью швейцарской клиники, въедался в ноздри, царапая пересохшую гортань. Затем вернулся слух: мерный, монотонный писк кардиомонитора, похожий на звук тяжелых капель, падающих на металлический поднос.

Я попыталась открыть глаза. Веки казались свинцовыми, склеенными густой, вязкой пеленой наркоза. Когда мне всё же удалось разлепить ресницы, сетчатку резанул приглушенный, но всё равно невыносимо чистый свет больничной палаты.

Это было не просто помещение. Это была панорамная капсула. Окно во всю стену открывало вид на заснеженные пики Альп, равнодушно вонзающиеся в безупречно синее цюрихское небо. Пейзаж выглядел как дорогая глянцевая открытка, к которой меня приклеили против моей воли.

Я попыталась пошевелиться, и тело тут же ответило бунтом. Правая нога от бедра и до кончиков пальцев превратилась в чужеродный, невероятно тяжелый монолит. Она была закована в громоздкую конструкцию из пластика, бинтов и металлических скоб, от которых тянулись тонкие прозрачные трубки дренажей. По ним медленно, густыми каплями

стекала темно-красная жидкость. Моя кровь.

Память обрушилась лавиной, не давая ни секунды на подготовку. Помост. Ослепляющий свет софитов. Тот самый роковой толчок и сухой хруст.

А затем — вспышки фотокамер. Лицо Вадима, искаженное театральным, сыгранным на публику ужасом. Его руки, картинно обнимающие мои плечи перед объективами репортеров. И его ледяной, полный ненависти шепот мне в ухо: «Ты всё уничтожила. Миллионы долларов, Арина». Я вспомнила салон реанимобиля, где мой муж, едва двери закрылись, мгновенно отпустил мою руку и уткнулся в телефон, спешно спасая свои активы, пока я теряла сознание от болевого шока.

Дыхание участилось, монитор слева от кровати недовольно зачастил, выдавая мою начинающуюся панику.

Дверь палаты бесшумно отъехала в сторону. На пороге появился высокий, подтянутый мужчина с благородной сединой на висках, в безупречно отглаженном халате. На его бейдже значилось: «Dr. Weber». За ним тенью следовала молодая ассистентка с электронным планшетом.

Доктор подошел к моей кровати, пробежался профессиональным взглядом по показаниям приборов и остановился на моем лице. В его светлых, водянистых глазах застыло то самое выражение, которое врачи обычно берегут для родственников безнадежных пациентов.

— Фрау Спасская, вы очнулись, — произнес он на иде-

альном, почти лишенном акцента английском. — Я доктор Вебер, главный хирург отделения ортопедии. Ваша операция длилась пять с половиной часов.

Мой язык присох к небу. Я попыталась сглотнуть, но в горле словно насыпали толченого стекла. Ассистентка тут же поднесла к моим губам пластиковую трубочку, опущенную в стакан с водой. Я сделала два жадных глотка.

— Что... что с ногой? — мой голос прозвучал как шелест сухой листвы.

Доктор Вебер сцепил руки в замок поверх своей папки.

— Буду с вами предельно честен, Арина. Травма катастрофическая. Множественный разрыв связок голеностопного сустава, сложный оскольчатый перелом таранной кости. Сустав буквально разлетелся на фрагменты из-за колоссальной перегрузки при приземлении. Тейп, который был на вас надет, лишь усугубил компрессию. Мы собрали кость, используя титановые пластины и винты.

Он говорил это ровным, академическим тоном, словно читал лекцию студентам. А я смотрела на свои руки, из которых торчали катетеры, и пыталась осознать смысл этих страшных слов. «Титановые пластины». «Разлетелся на фрагменты».

— Когда я смогу начать давать опору? — спросила я, инстинктивно цепляясь за привычный, годами выработанный алгоритм. В спорте всегда так: диагноз, сроки восстановления, план тренировок. — Через два месяца? Три? У нас кон-

тракт с Nike, я должна...

Ассистентка опустила глаза, делая вид, что очень занята экраном планшета. Доктор Вебер тяжело вздохнул, и эта внезапная потеря его швейцарской профессиональной безупречности напугала меня сильнее самого диагноза.

— Фрау Спасская. Вы не поняли. Речь не идет о возвращении к тренировкам. Ваша карьера в большом спорте завершена окончательно. Наша главная задача сейчас — сделать так, чтобы вы смогли хотя бы обслуживать себя в повседневной жизни.

Слова падали в стерильный воздух палаты, как тяжелые свинцовые гири.

— Ходить? — я нервно усмехнулась. Губы дрогнули, не слушаясь. — Доктор, я гимнастка. Я летаю. Я не могу просто... ходить.

— Вам придется принять новую реальность, — мягко, но непреклонно отрезал хирург. — Если долгая реабилитация пройдет успешно, через год или полтора вы сможете передвигаться, опираясь на трость. Без нее вы будете испытывать хронические боли. О любых прыжках, беге или сильных нагрузках забудьте. Мне очень жаль.

Он кивнул ассистентке, добавил что-то на немецком про график введения мощных анальгетиков и покинул палату, оставив меня наедине с эхом его приговора.

«О спорте забудьте навсегда».

Я смотрела в потолок, не моргая. Слез не было. Внутри

образовалась звенящая, вымороженная пустота. Мое тело, которое я годами вытачивала, кормила строго по граммам, лишала отдыха, сна и простых человеческих радостей, предало меня окончательно. Я больше не была «Золотой Ариной». Я стала куском сломанного биоматериала на конвейере, который остановили за ненадобностью.

Время потеряло свои очертания. Солнце за огромным окном медленно клонилось к вершинам гор, окрашивая снег в цвет запекшейся крови.

Я ждала Вадима.

Каждые несколько минут мой взгляд затравленно скользил к двери. Мой мозг, годами дрессированный искать в нем опору, отчаянно генерировал для него оправдания. Да, он был жесток в скорой. Да, он в бешенстве из-за денег. Но он же приехал со мной! Он был там, за дверями операционной. Наверняка он просто улаживает вопросы со швейцарской страховой компанией, потому что такая операция стоит целое состояние. Или общается с прессой, чтобы защитить меня от стервятников.

Он не мог просто выбросить меня. Мы пять лет были одной командой. Мы были мужем и женой. Эта страшная травма должна была сбить с него циничную спесь.

На прикроватной тумбочке лежал мой телефон. Его принесли вместе с вещами из раздевалки. Экран безостановочно мигал зеленым индикатором — сотни пропущенных уведомлений.

Я протянула руку. Пальцы не слушались, тонкий аппарат показался невероятно тяжелым, словно отлитым из чугуна. Я разблокировала экран, и на меня обрушился цифровой шторм. Сообщения от федерации, от знакомых тренеров, от девочек из сборной. Сплошные эмодзи разбитых сердец, сложенных в молитве рук и плачущих лиц.

Никто не писал «выздоровлявай и возвращайся». Все писали «нам так жаль». Они уже похоронили меня как спортсменку.

От Вадима не было ни одного сообщения. Ни единого пропущенного вызова.

Дрожащим пальцем я открыла вкладку главного спортивного портала. Вся первая полоса была посвящена чемпионату в Цюрихе.

Заголовок ударил по глазам наотмашь: *«Крах фаворитки: Спасская лишает сборную золота. Волков спасает репутацию Академии и представляет новую надежду»*.

Под заголовком висело видео, залитое всего пару часов назад. Стоп-кадр показывал микс-зону арены.

Я нажала на «play».

В кадре стоял Вадим. На нем не было того фальшивого лица убитого горем мужа, которое он демонстрировал на ковре. Сейчас это было лицо жесткого, собранного антикризисного менеджера, который спасает тонущий корабль. Он был бледен, желваки на его скулах ходили ходуном, а губы были сжаты в тонкую линию.

Немного позади него, робко переминаясь с ноги на ногу, стояла Лика в командной куртке. На её шее не было медали — она не могла взять золото, её техника была слишком сырой. Но Вадим крепко, почти до хруста, сжимал её плечо, выдвигая девчонку вперед, под прицелы камер.

Журналист за кадром задал вопрос:

— Вадим, как вы прокомментируете ужасное падение Арины Спасской? Контракт с генеральным спонсором сорван? Золото упущено. Что теперь будет с вашей академией?

Вадим чуть наклонился к микрофонам. Его голос звучал как хлесткий удар кнута. Никакой дрожи. Никакого сочувствия. Только холодная, расчетливая сталь.

— Спорт высших достижений не прощает слабости, — отрезал он, глядя прямо в объектив. — Арина не справилась с давлением. Она не дотерпела всего долю секунды. Да, это личная трагедия для нее, и это серьезный удар по нашим планам. Из-за этой досадной ошибки мы упустили золото, которое было у нас в кармане. Контракт с инвесторами поставлен на паузу. Но Академия Волкова не строится на одном человеке.

Он сделал паузу, сильнее сжав плечо Лики. Та испуганно моргнула, но попыталась изобразить гордую осанку, задрвав подбородок.

— Мы обязаны смотреть вперед, — продолжил Вадим. — Инвестиции не должны простаивать из-за чьих-то срывов.

Прямо сейчас я официально объявляю о завершении карьеры Арины Спасской. И я представляю вам Лику. Она — наш новый, приоритетный проект. У неё колоссальный потенциал. Дайте мне полгода, мы вычистим её технику до идеала, и она принесет нам те медали и те контракты, которые мы потеряли сегодня. Мы продолжаем работать.

Журналист попытался встрять:

— А как же состояние вашей жены? Вы сейчас поедете к ней в клинику? Мы видели, как вы сопровождали её в скорой.

— В клинике работают профессионалы, — процедил Вадим. — Им за это платит страховая компания. Я убедился, что она в надежных руках. А моя работа — здесь. У меня всё.

Видео оборвалось.

Я выронила телефон. Он с глухим стуком упал на белое больничное одеяло.

Меня накрыл приступ физической, удушающей тошноты. Спазм скрутил пустой желудок так сильно, что я задохнулась. Монитор снова противно запищал, фиксируя скачок пульса до критической отметки.

Он не жалел меня. Он ненавидел меня.

Ненавидел за то, что моя сломанная кость сорвала его триумф. Я видела это в его глазах. Он воспринимал мою травму не как беду близкого человека, а как мою личную подлость, из-за которой он лишился миллионов. И чтобы спасти лицо,

чтобы удержать разбегающихся инвесторов, он прямо на камеру вытер о меня ноги, швырнув им Лику как гарантийный талон на будущее.

«Арина не справилась со слабостью».

Слезы хлынули из глаз — горячие, злые, обжигающие кожу. Я задыхалась от чудовищного цинизма человека, ради которого я уничтожила свое здоровье. Он использовал меня до последней капли, устроил спектакль для прессы в машине скорой помощи, а потом просто вычеркнул из актива.

Дверь палаты резко открылась. Я даже не попыталась отвернуться или стереть слезы.

— Арина? Вам плохо? Я слышу тревогу монитора с поста!

Голос был мягким, с заметным русским акцентом. Я скосила глаза. У кровати стояла медсестра — женщина лет пятидесяти, с добрым, круглым лицом и внимательными карими глазами. На её бейдже было написано «Nina».

Она быстро проверила показания приборов, поправила капельницу и осторожно промокнула салфеткой мой лоб, покрывшийся холодной испариной.

— Меня зовут Нина, — тихо сказала она. — Я из России, работаю здесь уже десять лет. Вы не пугайтесь, паника после такого наркоза — это нормально. Вам больно? Добавить анальгетик?

Тепло её рук, её родная речь — это стало последней каплей. Мои защитные барьеры рухнули. Я зарыдала в голос, не в силах сдерживать эту агонию.

— Нина... — я судорожно схватила её за край рукава, игнорируя боль в перебинтованной руке. — Пожалуйста. Мой муж. Он же приехал со мной! Где он? В холле? В отеле? Позвоните ему, умоляю. Скажите, что я очнулась.

Я говорила это, а сама ненавидела себя за эту слабость. Мозг кричал, что я только что видела видео, что всё конечно, но изломанная психика цеплялась за крошечный процент вероятности. Мне нужно было, чтобы он пришел. Чтобы посмотрел мне в глаза без камер.

Нина замерла. Её руки, только что уверенно поправлявшие катетер, вдруг остановились. Она отвела взгляд.

Морщинки вокруг её глаз углубились, и в палате повисла тяжелая, густая тишина.

— Нина? — мой голос дрогнул. — Что такое? Вы его видели?

Медсестра медленно выдохнула, словно решаясь на что-то очень сложное. Она придвинула стул и села рядом со мной, взяв мою холодную ладонь в свои теплые руки.

— Арина, девочка... Я не хотела говорить вам сейчас.

— Говорите. Что с ним? Авария? С ним что-то случилось?! — пульс снова подскочил.

— Нет. С ним всё в порядке.

Нина сглотнула. Её пальцы крепче сжали мою ладонь.

— Ваш муж не остался в клинике. Как только вас завезли в хирургический блок и двери закрылись, он подошел в регистратуру. Я сама оформляла ваши документы. Он подпи-

сал согласие на операцию, дал данные страховой компании и тут же вызвал такси до отеля.

Я подалась вперед, насколько позволяли ремни и гипс.

— Он уехал? До того, как меня прооперировали? Но... он звонил потом?

Нина посмотрела мне прямо в глаза, и в её взгляде я увидела то, от чего кровь стынет в жилах. Острую, искреннюю женскую жалость к преданному существу.

— Он звонил час назад. Спросил, передали ли документы из страховой и покроет ли полис всё лечение и пребывание в VIP-палате.

Я моргнула. Воздух в легких закончился.

— А... а про меня? Он спрашивал, как прошла операция? Нина покачала головой.

— Нет, Арина. Я сама предложила ему приехать, сказала, что вы скоро придете в себя и вам понадобится поддержка близкого человека.

Она замолчала.

— И что? Что он ответил? — я почти кричала, но из горла вырывался только жалкий хрип.

— Он ответил: «Её карьера окончена, Нина. У меня бизнес, который нужно спасти». А потом... — она зажмурилась

на секунду, — потом он попросил поставить в вашей карточке пометку «Не беспокоить». Он сказал: «Не нужно звонить мне из больницы с каждым отчетом. Связывайтесь напрямую с моим юристом. Мое присутствие у её кровати всё равно ничего не изменит. Она взрослый человек». И повесил трубку.

Я откинулась на подушки. Моя рука безвольно выскользнула из пальцев медсестры.

«Мое присутствие ничего не изменит».

Я смотрела в панорамное окно, за которым Цюрих зажигал свои безупречные вечерние огни. Мир продолжал вращаться. Где-то там мой муж спасал свои деньги и лепил новую звезду из девчонки, которая грела его постель.

Он не просто ушел к любовнице. Он отрезал меня от своей жизни хирургически точным движением, как удаляют пораженный некрозом орган, чтобы не заразить весь организм.

— Арина? — Нина осторожно коснулась моего плеча. — Хотите, я принесу снотворное? Вам нужно поспать.

— Нет, — мой голос изменился. В нем больше не было дрожи, слез или истерики. В нем зазвучал мертвый, металлический холод. — Никакого снотворного. И Нина... пожалуйста, выключите свет.

Медсестра вздохнула, понимая, что сейчас любые слова утешения будут звучать как издевательство. Она молча подошла к выключателю. Палата погрузилась во мрак, лишь экраны медицинских приборов продолжали светиться туск-

лым синеватым светом.

— Если что-то понадобится, кнопка вызова под правой рукой, — прошептала Нина и вышла.

Я осталась одна. В чужой стране, в чужой больнице, в разрушенном теле.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором стояло лицо Вадима из того видео — злое, расчетливое, непогрешимое. Человек, который думал, что уничтожил меня и остался безнаказанным.

«Мое присутствие ничего не изменит», — повторила я про себя его слова, пробуя их на вкус.

Они больше не причиняли боли. Боль перегорела, оставив после себя лишь едкий, черный пепел. И в этом пепле, под тяжестью гипсового панциря и швейцарских снегов за окном, зарождалось новое чувство. Абсолютное, кристально чистое спокойствие. Спокойствие человека, которому больше нечего терять.

— Ты прав, Вадим, — прошептала я в темноту палаты. — Твое присутствие больше ничего не изменит. Потому что теперь... изменяюсь я.

Я не знала, как смогу ходить. Не знала, как буду жить дальше. Но в эту ночь, слушая писк собственного покаленного сердца на мониторе, я дала себе одну-единственную клятву: я выживу. И я заставлю его захлебнуться этим равнодушием. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 6(Вадим)

(от лица Вадима)

Звон хрустальных бокалов в ресторане цюрихского «Dolder Grand» всегда ассоциировался у меня с триумфом. Идеальная акустика, приглушенный теплый свет, вышколенные официанты, скользящие по мраморному полу с грацией теней. Сегодня этот звон раздражал меня так, словно кто-то методично водил гвоздем по стеклу.

Я поднял бокал с выдержанным Пино Нуар, изображая на лице ту самую располагающую, уверенную полуулыбку, которая всегда безотказно действовала на инвесторов. Напротив меня сидел Томас Мюллер — вице-президент швейцарского бренда спортивной экипировки, нашего младшего спонсора. Слева от меня, излучая эйфорию и запах своей приторной «Пыльной розы», сидела Лика.

— Вадим, я восхищен вашей выдержкой, — Томас пригубил вино, глядя на меня с почтительным сочувствием. — То, как вы держались на пресс-конференции после этой ужасной трагедии с фрау Спасской... Это достойно уважения. И ваше решение немедленно вывести на орбиту юную Лику — гениальный антикризисный ход. Наш бренд ценит партнеров, которые не сдаются обстоятельствам.

— Обстоятельства — это лишь исходные данные для новых уравнений, Томас, — ровным, бархатным голосом отве-

тил я, плавно вращая ножку бокала. — Арина — великая спортсменка, но Академия Волкова — это система. А система не имеет права останавливаться из-за сбоя одного, пусть и самого дорогого, элемента. Лица готова. Мы оправдаем ваши вложения.

Лица, услышав свое имя, просияла еще ярче. Она потянулась через стол, чокнувшись своим бокалом с бокалом Томаса, а затем положила ладонь мне на бедро под скатертью. Её пальцы собственнически скользнули по дорогой ткани моих брюк. Она чувствовала себя королевой вечера. Победительницей, которая только что получила корону из рук поверженной соперницы.

Она не знала, что прямо сейчас, под этим столом, моя левая рука скомкала плотную льняную салфетку так, что костяшки побелели от напряжения.

Я улыбался Томасу, обсуждал детали нового тренировочного сбора в Альпах, а внутри меня бушевал ледяной, всепоглощающий пожар.

Майкл Лоуренс из Nike улетел час назад. Он даже не остался на фуршет. Наша короткая беседа в VIP-ложе после того, как Арину увезли, крутилась в моей голове закольцованной пленкой. «Мне очень жаль вашу жену, Вадим. Но концепция нашего бренда — это преодоление гравитации и победа. Мы не можем ассоциировать новую линейку с тяжелой инвалидностью. Контракт на три миллиона долларов заморожен до тех пор, пока вы не покажете нам новую чемпи-

онку мира. Официально».

Три миллиона долларов.

Пять лет я строил этот пьедестал. Я выверял каждый грамм в тарелке Арины, каждую секунду её сна, каждую связку в её программе. Я терпел её вечно кислую мину, её мигрени, её скучные рассуждения о семье. Я вложил в этот актив всё свое время и весь свой гений. Ей оставалось продержаться в воздухе всего одну долбаную секунду. Просто приземлиться на обе ноги! И она не смогла. Она сломалась, перечеркнув мой триумф и оставив меня с жалкими подачками от региональных спонсоров вроде Томаса.

Она предала меня. Лишила меня статуса тренера абсолютной чемпионки.

— За будущее, — Томас поднял бокал, вырывая меня из мыслей.

— За будущее, — эхом отозвался я, делая глоток. Вино казалось на вкус как пепел.

Спустя сорок минут мы распрощались с инвестором в лобби отеля. Как только вращающиеся двери за Томасом закрылись, маска любезного визионера сползла с моего лица. Мы вошли в пустой лифт, обшитый красным деревом и зеркалами.

Лица тут же повисла у меня на шее. Шампанское ударило ей в голову, развязав язык и стерев границы.

— Вадим... мы сделали это, — она прижалась губами к моей шее, скользя руками под пиджак. — Ты видел, как этот

швейцарец на меня смотрел? Теперь я твоё главное лицо. Теперь мы можем быть вместе открыто. Тебе больше не нужно прятаться с этой калекой. Я дам тебе всё, что она не смогла.

Лифт остановился на этаже пентхауса с тихим мелодичным звоном. Двери разъехались.

Я не стал её целовать. Я жестко, почти грубо оторвал её руки от своей шеи, схватил за предплечье и вывел в коридор.

— Эй, ты чего? Больно же! — Лика удивленно моргнула, пытаясь вырваться, но я лишь крепче сжал пальцы, заталкивая её в наш номер.

Дверь люкса захлопнулась, отсекая нас от внешнего мира. Я отпустил её так резко, что она отшатнулась, едва не потеряв равновесие на своих высоких каблуках.

— Сними корону, Лика. Она тебе велика, — мой голос лязгнул металлом в тишине роскошной гостиной.

Она замерла, потирая покрасневшее запястье. Хмель сходил с её лица, уступая место детской растерянности.

— Вадим... я не понимаю. Ты же сам сказал прессе...

— То, что я сказал прессе — это кризисный пиар! — я шагнул к ней, нависая всем своим ростом. Она инстинктивно вжала голову в плечи. — Это дымовая завеса, чтобы инвесторы не разбежались как крысы с тонущего корабля! Ты сегодня прыгала не как мое главное лицо, а как мешок с картошкой. У тебя грязный вход в элементы, ты валишь приземление, у тебя нет ни грации, ни выносливости Спасской!

— Но я же... я же старалась! — на её глазах блеснули слезы

обида. — Ты сам говорил в Москве, что я лучше неё!

— В постели — возможно. На ковре — ты сырой, ленивый кусок глины, — я говорил тихо, но каждое слово било наотмашь. Я видел, как рушится её иллюзия сказки, но мне было плевать. Люди — это инструменты. Если инструмент начинает мнить себя хозяином, его нужно жестко калибровать. — Из-за того, что Спасская сегодня развалилась, я потерял генеральный контракт. У меня в бюджете Академии образовалась дыра размером с Гранд-Каньон. То, что я назвал тебя будущим перед камерами — это огромный аванс. Моя инвестиция в твою смазливую морду.

Я подошел вплотную и взял её за подбородок, заставляя смотреть мне в глаза.

— У тебя есть ровно полгода. Полгода, Лика. Мы закроемся в зале, и ты будешь пахать так, как тебе в страшных снах не снилось. Ты будешь блевать от усталости, но ты вычистишь свою технику до идеала. Если ты этого не сделаешь... я вышвырну тебя на улицу точно так же, как вышвырнул сегодня её. Ты меня поняла?

Она судорожно сглотнула. Спесь слетела с неё полностью, остался только липкий, животный страх. Она наконец-то поняла, с кем связалась.

— Поняла, — пискнула она.

— Иди в душ. Смой с себя этот запах, у меня от него уже болит голова, — я брезгливо отпустил её лицо и отвернулся.

Лика, не издав больше ни звука, на негнущихся ногах

скрылась в ванной. Щелкнул замок, зашумела вода.

Я ослабил галстук, стянул его с шеи и бросил на кожаный диван. Подошел к мини-бару, налил себе чистого виски на два пальца и выпил залпом. Алкоголь обжег горло, немного проясняя мысли.

Я сел за массивный дубовый стол и открыл ноутбук. Экран осветил мое лицо бледным светом. Я загрузил финансовые сводки фонда «Академия Волкова».

Цифры не ввали. Без призовых Арины за Чемпионат мира, без бонусов от федерации и, главное, без траншей от Nike, которые должны были пойти на закупку оборудования и аренду нового здания в Москве, я находился в шаге от финансового краха. Мои личные сбережения покрывали лишь треть необходимых затрат.

Я смотрел на красные столбцы убытков, и моя злость на жену трансформировалась в холодную, кристальную расчетливость.

Арина подвела меня. Она нарушила наши договоренности. Я вкладывал в нее свое время и репутацию, а она не принесла ожидаемых дивидендов. Более того, теперь она стала тяжелейшим пассивом. Реабилитация после оскольчатого перелома таранной кости — это месяцы, а то и годы дорогостоящего лечения. Швейцарская страховая покроет только экстренную операцию и несколько дней в VIP-палате. А дальше? Массаж, физиотерапия, частные клиники... Она вытянет из меня все соки, требуя внимания и денег, превра-

щаяся в ноющую, бесполезную калеку в моей квартире.

Квартире, которая, к слову, была куплена на её рекламные гонорары.

Я откинулся на спинку кресла. Мой мозг, привыкший просчитывать стратегию на несколько ходов вперед, уже нашел идеальное решение. Арина обязана компенсировать мне финансовый ущерб, который она нанесла своим падением. Это справедливо. Это просто бизнес.

Я достал телефон и посмотрел на часы. В Москве был первый час ночи. Плевать.

Я набрал номер Олега, моего ведущего юриста. Он ответил после пятого гудка, голос был хриплым ото сна.

— Вадим? Господи, я смотрел трансляцию... Это просто кошмар. Как Арина? Врачи говорят, есть шансы?

— Олег, проснись. Оставь лирику для прессы, — жестко оборвал я его. — Арина отработала свой ресурс. Карьера завершена. Меня интересуют не шансы её связок, а шансы моего бизнеса.

На том конце провода повисла тяжелая пауза. Олег был циником, он сопровождал мои серые схемы долгие годы, но даже он, видимо, не ожидал такой скорости принятия решений.

— Я слушаю, босс.

— Ты помнишь тот проект бракоразводного соглашения и документы о передаче прав на бренд «Спасская» моей компании? Те самые, что мы готовили на случай её ухода в де-

крет или завершения карьеры.

— Да, они лежат у меня в сейфе. Полный пакет. Соглашение о разделе имущества, где она отказывается от претензий на московскую квартиру в пользу Академии, и договор об отчуждении коммерческих прав на её имя. Но Вадим... мы планировали запускать это через полгода, плавно.

— Планы изменились, — я подошел к панорамному окну, глядя на россыпь огней ночного Цюриха. Где-то там, за рекой Лиммат, светились окна клиники, где сейчас лежала моя жена. — Контракт с Nike сорван. У меня кассовый разрыв. Мне нужны её активы, чтобы перекрыть издержки и запустить кампанию Лики.

— Понял. Когда подаем в суд?

— Никакого суда. Мы не будем делить ничего годами. Она должна подписать это добровольно, — я сделал глоток виски. — Олег, открывай ноутбук. Бронируй ближайший утренний рейс Москва-Цюрих. Бизнес-класс, не важно, сколько стоит. Ты должен быть здесь завтра к полудню со всеми бумагами.

— Вадим, ты в своем уме? — голос юриста дрогнул от напряжения. — Она только после тяжелейшего наркоза! У неё раздроблены кости! Она же не в неадеквате, она поймет, что ты оставляешь её ни с чем прямо на больничной койке!

Я тихо рассмеялся. Звук получился сухим, как треск ломающегося льда.

— В этом-то весь и смысл, мой дорогой друг. В этом суть

гениальной стратегии. Она сейчас накачана швейцарскими анальгетиками по самую макушку. Её психика раздавлена. Она считает, что подвела меня, страну, команду. У нее колоссальное чувство вины.

Я замолчал на секунду, визуализируя завтрашнюю сцену.

— Завтра я приду к ней в палату. Я не буду злым. Я буду идеальным, заботливым мужем, который пытается спасти остатки её достоинства. Я скажу ей, что федерация и спонсоры готовят многомиллионные иски за срыв контрактов из-за её неосторожности на ковре. Я скажу, что единственный способ спасти её квартиру и сбережения от ареста — это фиктивно переписать всё на Академию и оформить технический развод. Она всегда верила каждому моему слову, Олег. Она подпишет не читая, просто чтобы угодить мне и загладить свою вину.

Олег молчал так долго, что я решил, будто связь прервалась.

— Это... это дьявольски эффективно, Вадим, — наконец выдохнул он. В его голосе смешались профессиональное восхищение и человеческая оторопь. — Если она подпишет отказ и доверенности у швейцарского нотариуса, которого я приведу, оспорить это в России будет практически невозможно. Состояние аффекта или влияние лекарств доказать задним числом не выйдет, если нотариус заверит её дееспособность в моменте.

— Именно. Поэтому ты вылетаешь утренним рейсом.

Найди здесь русскоговорящего нотариуса, заплати ему тройной тариф за срочность и выезд в клинику. Завтра к вечеру я должен быть абсолютно свободным человеком с полным контролем над её активами. А послезавтра мы с Ликой улетаем в Москву.

— А Арина? Как она вернется в Россию без денег и в гипсе?

— У неё есть мать. Пусть приезжает и забирает свой бракованный продукт, — равнодушно бросил я. — До завтра, Олег. Жду номер рейса.

Я сбросил вызов. В груди разлилось приятное тепло. Кризис миновал. Я взял ситуацию под полный контроль, перевернув доску в свою пользу.

Я взял телефон и открыл галерею. Алгоритм услужливо подкинул папку «Семья». Сотни фотографий. Арина на пьедестале. Арина смеется в Париже, когда мы праздновали нашу годовщину. Арина спит у меня на плече в самолете.

Никаких эмоций. Просто цифровой мусор, занимающий память моего смартфона. Я выделил все фотографии. Красная кнопка «Удалить». Сорок гигабайт прошлого исчезли без следа.

Осталось только одно фото, которое я предварительно перенес в отдельную папку. Красивый, драматичный черно-белый кадр, где Арина сидит на ковре, обхватив колени, а я стою рядом, положив руку ей на голову.

Я зашел в свой официальный аккаунт в Instagram, на-

считывающий полмиллиона подписчиков. Загрузил фотографию. Текст поста я продумал еще в машине скорой помощи, пока Арина корчилась от боли.

«Сегодня спорт испытал нас на прочность. Самым жестоким образом. Моя Арина, моя чемпионка, мой воин получила тяжелейшую травму. Впереди долгий путь восстановления, и мы пройдем его достойно. Спасибо всем за слова поддержки, они сейчас очень нужны нам обоим. Академия Волкова продолжает свою работу, ведь главная заповедь спорта — никогда не сдаваться. Мы начинаем новый путь. Берегите своих близких».

Кнопка «Опубликовать».

Счетчик лайков закрутился с бешеной скоростью. Комментарии сыпались десятками в секунду.

«Вадим, вы настоящий мужчина!»

«Арине так повезло с таким любящим мужем!»

«Держитесь, мы молимся за вас обоих!»

«Вадим, вы пример для всех тренеров и мужей!»

Я презрительно усмехнулся, заблокировал экран и бросил телефон на стол. Толпа обожает красивые сказки о благородстве. Я дал им ту кость, которую они хотели глотать. Теперь, когда через пару недель всплывет новость о нашем разводе,

общественное мнение будет подготовлено: я сделал всё, что мог, но стресс разрушил наш брак. Никто не осудит тренера, который сгорел на работе.

Дверь ванной тихо приоткрылась. Лика вышла в гостиную. Она была укутана в огромный белый отельный халат. Волосы влажными прядями падали на плечи, тушь под глазами была тщательно стерта. Она выглядела покорной, тихой и очень напуганной моим недавним срывом.

Она несмело подошла ко мне и опустилась на пушистый ковер прямо у моих ног. Положила голову мне на колено, как провинившаяся собака, ищущая прощения у хозяина.

— Прости меня, Вадим, — прошептала она, глядя снизу вверх. — Я была глупой. Я буду работать. Я сделаю всё, как ты скажешь. Только не бросай меня.

Я опустил ладонь на её влажные волосы. Медленно, властно погладил её по затылку. Мои пальцы зарылись в рыжие пряди, слегка натягивая их, заставляя её запрокинуть голову. В её глазах плескалась абсолютная покорность. Это было именно то, что мне нужно. Безусловное подчинение без лишних амбиций.

— Будешь, Лика. Будешь работать, — мой голос был тихим, убаюкивающим, но в нем больше не было даже тени той ласки, которую она искала. — Завтра мы начнем писать новую историю.

Я продолжал гладить её, но смотрел поверх её головы. Мой взгляд снова устремился в панорамное окно, в холод-

ную швейцарскую ночь. Туда, где в стерильной тишине палаты лежала женщина, отдавшая мне пять лет своей жизни.

Капкан был установлен, пружина взведена.

Завтра я войду в её палату. Я надену маску спасителя, возьму её за руку и посмотрю в её полные слез и надежды глаза. Я скажу ей правильные слова. А когда чернила высохнут на швейцарской бумаге, отрезая её от всего, что она заработала... я вышвырну её из своей жизни. Окончательно и бесповоротно.

Игра окончена, Ари. Я забираю банк.

Глава 7

Гравитация оказалась жестокой штукой. Пять лет я умела с ней договариваться, обманывать ее в прыжках, заставлять работать на себя. Но сегодня она взяла реванш.

Швейцарская медсестра-физиотерапевт, крепкая женщина с невероятно сильными руками, бережно опустила меня в инвалидное кресло. Момент, когда моя правая нога, законная в тяжелый, напичканный металлом гипс, опустилась на специальную подножку, едва не лишил меня сознания. Кровь прилила к раздробленным тканям, и сустав взорвался пульсирующей, разрывающей на куски болью. Я вцепилась побелевшими пальцами в хромированные подлокотники, судорожно втягивая воздух сквозь стиснутые зубы.

— Атем, фрау Спасская. Дышите, — произнесла физиотерапевт, поправляя плед на моих коленях.

Доктор Вебер говорил про трость через год. Это звучало как страшный приговор, но сейчас, глядя на черные резиновые колеса по бокам от своих бедер, я понимала: трость — это недостижимая роскошь. Мой новый спортивный снаряд весил пятнадцать килограммов, имел ручной тормоз и навсегда привязывал меня к земле.

Медсестра подкатила меня к панорамному окну, оставила стакан с водой на столике и бесшумно вышла.

Я смотрела на Цюрих. Город жил своей сытой, размерен-

ной жизнью. Где-то там, за рекой, люди спешили на работу, пили кофе в бистро, планировали выходные. Моя же жизнь сузилась до размеров этой палаты. У меня не было ни единой слезы. Вчерашняя истерика выжгла слёзные протоки, оставив после себя лишь сухую, колючую пустыню.

Щелчок дверной ручки заставил меня повернуть голову.

В палату вошел Вадим. На нем был тот же костюм, что и вчера на арене, но галстук отсутствовал, а верхняя пуговица рубашки была расстегнута. Идеальная щетина, слегка растрепанные волосы, тени под глазами. Грим «страдающего мужа» был наложен безупречно.

За его спиной топтался Олег, наш бессменный юрист из Москвы, нервно прижимающий к груди пухлую синюю папку. Третьим вошел незнакомый мужчина лет пятидесяти, в строгом сером костюме и очках в тонкой оправе. В руках он держал кожаный портфель. По его подчеркнuto нейтральному выражению лица я безошибочно вычислила местного швейцарского нотариуса.

Вадим бросился ко мне, преодолев расстояние от двери до кресла в три широких шага. Он опустился передо мной на одно колено — та самая поза, которую он принимал перед ковром, когда тейпировал мою ногу.

— Ари... Господи, родная моя, — его голос дрогнул, выдавая идеальную, бархатную ноту отчаяния. Он потянулся к моим рукам, лежащим на подлокотниках. — Я думал, я сойду с ума. Пресса оцепила отель, журналисты дежурили у

всех выходов, я не мог прорваться к тебе ночью, чтобы не притащить за собой эту свору с камерами. Как ты? Что говорят врачи?

Его пальцы коснулись моей кожи. Раньше этот жест заставлял бы мое сердце биться чаще, подарил бы иллюзию безопасности. Но сейчас я чувствовала только холод. От него не пахло бессонной ночью. От него пахло дорогим одеколоном, свежестью утреннего душа и едва уловимо — тем самым женским парфюмом, который он так и не смог до конца смыть.

Я медленно, но непреклонно выдернула свои руки из его ладоней.

— Не нужно, Вадим, — мой голос прозвучал так ровно, что Олег за спиной мужа нервно кашлянул. — Встань с колен. Ты помнешь брюки.

Вадим на секунду замер. В его глазах мелькнуло удивление, но он быстро взял себя в руки. Списав мою холодность на последствия наркоза и шок от травмы, он поднялся, пододвинул стул и сел напротив.

— Я понимаю, тебе больно. Ты обижена на весь мир, — он заговорил мягче, включив интонацию психотерапевта. — То, что случилось вчера — это катастрофа. Для нас обоих. Но мы должны быть сильными, Арина. Нам нужно действовать быстро, чтобы спасти то, что у нас осталось.

Он кивнул Олегу. Юрист подошел ближе, положил синюю папку на прикроватный столик и открыл её. Внутри лежали

ровные стопки документов на русском языке с приколотыми к ним немецкими переводами. Нотариус достал из своего портфеля печать и две ручки, выложив их рядом с хирургической точностью.

— Что это? — я перевела взгляд с бумаг на мужа.

Вадим тяжело вздохнул, потирая переносицу.

— Ари, из-за твоего падения контракт с Nike сорван. Инвесторы в бешенстве. Они потеряли огромные деньги на промо-кампании, которая теперь ничего не стоит. Федерация готовится выставить нам многомиллионные штрафы за срыв обязательств. Это настоящая мясорубка.

Он наклонился ко мне, понизив голос до доверительного шепота.

— Они попытаются арестовать все твои счета. Они заберут квартиру в Москве, потому что она куплена на твои гонорары. Я не могу позволить им оставить тебя на улице. Мы должны срочно вывести твои активы. Олег подготовил договор. Мы переоформим квартиру и твои коммерческие права на фонд Академии. Там они их не достанут. Технически, нам придется оформить развод, чтобы ты не несла солидарную ответственность по моим тренерским обязательствам.

Он говорил это с таким искренним, участливым видом, что мне стало физически тошно. Если бы я не знала правды, я бы разрыдалась прямо сейчас, бросилась ему на шею и поблагодарила за то, что он спасает меня от нищеты. Гениальный манипулятор. Он плел паутину из полуправды и юриди-

ческих терминов, точно зная, в какие точки бить.

— Это просто формальность, родная, — добавил он, двигая ко мне документы. — Подпиши. Господин Бауман заверит твою подпись, и мы будем в безопасности. Я всё решу. Тебе нужно только отдыхать и поправляться.

Я опустила взгляд на верхний лист. «Соглашение о разделе совместно нажитого имущества». В колонке моих активов стоял жирный прочерк. В колонке Вадима — недвижимость, счета, права на товарный знак «Спасская» и проценты от будущих трансляций.

Я смотрела на белую бумагу, а видела перед собой черную дыру, в которую он пытался меня столкнуть.

Тишина в палате затянулась. Нотариус вежливо ждал. Олег переминался с ноги на ногу, не смея поднять на меня глаза.

— Академия не строится на одном человеке, правда, Вадим? — произнесла я, не отрывая взгляда от документов.

Вадим напрягся. Его рука, лежащая на подлокотнике стула, замерла.

— Что? Арина, при чем здесь...

Я медленно подняла голову и посмотрела ему прямо в зрачки. Мой взгляд был абсолютно пустым. В нем не было ни обиды, ни слез, которых он ожидал.

— «Инвестиции не должны простаивать из-за чьих-то срывов», — я процитировала его вчерашнее интервью с идеальной точностью, чеканя каждое слово. — «Карьера Спас-

ской завершена. Лица — наш новый приоритетный проект. У нее колоссальный потенциал».

Лицо Вадима начало меняться. Маска заботливого мужа пошла глубокими, уродливыми трещинами. Глаза сузились.

Я не дала ему опомниться, нанося второй удар.

— А как же твой плотный график? Как же банкет с инвесторами? Разве ты не должен сейчас вычищать технику Лики до идеала, чтобы она вернула тебе потерянные миллионы?

— Арина, ты была в бреду, ты не так поняла... — попытался вклиниться Олег, но я оборвала его ледяным тоном, даже не повернув головы:

— Замолчи, Олег. Или я попрошу господина Баумана вызывать охрану.

Я снова посмотрела на Вадима.

— Вчера вечером медсестра Нина просила тебя приехать ко мне. Я только-только пришла в себя после наркоза. Знаешь, что ты ей ответил? — я наклонилась чуть вперед, игнорируя вспышку боли в гипсе. — Ты сказал: «Мое присутствие ничего не изменит. Не беспокоить». Так что изменилось сегодня утром, Вадим? Почему мое присутствие в твоей жизни снова стало таким важным? Ах да. Тебе понадобилась моя подпись.

Палата погрузилась в звенящую, мертвую тишину. Нотариус, не понимающий ни слова по-русски, лишь удивленно переводил взгляд с меня на Вадима, улавливая резкую смену атмосферы.

Вадим медленно откинулся на спинку стула. Его плечи расправились. Игра закончилась. Ему больше не нужно было притворяться хорошим парнем.

Он провел рукой по волосам, жестким движением стряхивая с себя остатки благородства. Его лицо превратилось в каменную, хищную маску. Глаза потемнели, в них заплескалась неприкрытая, чистая злоба.

— Значит, ты всё знаешь, — его голос утратил бархатные нотки. Теперь это был лязг ножа по стеклу. — Что ж. Тем лучше. Это экономит нам время.

Он подался вперед, положив локти на колени.

— Давай без лирики, Спасская. Ты сорвала мне сделку всей моей жизни. Я вложил в тебя свои лучшие годы, я вылепил из тебя легенду. А ты развалилась на куски, как дешевая китайская подделка, в самый ответственный момент. Ты оставила мой фонд с огромным кассовым разрывом.

— Квартира куплена на мои деньги, — ровно ответила я. — Как и машины. Как и твои часы.

— Квартира куплена на деньги, которые ты заработала благодаря моему гению! — рявкнул он, ударив кулаком по колену. — Ты без меня — просто девчонка с гибкой спиной. Я сделал тебя брендом! И ты компенсируешь мне убытки. Ты подпишешь эти бумаги прямо сейчас.

Я горько усмехнулась.

— А если нет? Что ты сделаешь, Вадим? Ударишь меня?

Отравишь?

Вадим медленно покачал головой. Уголок его губ пополз вверх в отвратительной, жестокой усмешке.

— Я бизнесмен, Ари. Я не мараю руки. Я просто перекрою тебе кислород.

Он выдержал эффектную паузу, наслаждаясь своей властью.

— Сутки пребывания в этой VIP-палате стоят пять тысяч швейцарских франков. Твоя операция обошлась в сорок тысяч. Твоя медицинская страховка оформлена через мою Академию. Я — генеральный директор. Если ты сейчас не возьмешь ручку, я прямо из этого коридора позвоню брокеру и аннулирую полис задним числом.

Мое сердце пропустило удар. Я невольно вцепилась в подлокотники кресла.

— Через час в эту палату зайдет менеджер клиники, — продолжил Вадим, видя, что его слова попали в цель. — Он выставит тебе счет, который ты не сможешь оплатить. Твои личные карты заблокированы, я об этом позаботился еще утром. Тебя вышвырнут на улицу. Тебе перестанут колоть анальгетики. Знаешь, какая это бывает боль? Ты будешь выть, как бездомная собака, сидя на тротуаре в чужой стране, не зная языка и не имея денег даже на билет до Москвы в багажном отсеке.

Олег за его спиной опустил голову, делая вид, что изучает рисунок на линолеуме. Он был соучастником этого рэкета,

но даже ему было противно смотреть на происходящее.

Я смотрела на Вадима и не узнавала человека, с которым делила постель пять лет. Передо мной сидел монстр, сотканный из амбиций и жадности. Он не блефовал. Он действительно был готов оставить меня гнить на улице ради московской недвижимости и прав на мое имя.

Я загнана в угол. У меня нет денег. У меня нет ног, чтобы сбежать. Мое тело — сплошная, непрекращающаяся агония, которую сейчас сдерживает только капельница, оплаченная его компанией.

— Ты чудовище, — прошептала я.

— Я прагматик, — Вадим взял со стола дорогую перьевую ручку и протянул её мне. — Подписывай, Арина. Я оплачу твоё лечение здесь на неделю вперед и куплю тебе билет домой в эконом-классе. Это честная сделка. Ты возвращаешь мне долг, а я даю тебе возможность уползти с достоинством.

Воздух в палате стал вязким, удушливым. Я перевела взгляд на швейцарского нотариуса. Он вежливо улыбнулся мне, ничего не подозревая, думая, что мы обсуждаем детали стандартной процедуры. Для всего мира это был цивилизованный процесс.

Я могла бы закричать. Могла бы устроить скандал, позвать врачей, полицию. Но что бы я им сказала? Что муж не хочет оплачивать мои счета? Полиция не занимается моральным обликом супругов. Меня бы действительно выписали. И я бы осталась одна на улице Цюриха.

Я медленно протянула дрожащую руку и взяла ручку из его пальцев. Металл был холодным.

— Умная девочка, — удовлетворенно выдохнул Вадим, откидываясь на спинку стула.

Я придвинула к себе первую папку. Соглашение о разделе имущества. Моя подпись легла на бумагу криво, потому что рука почти не слушалась. Один росчерк — и квартира на Фрунзенской набережной, где я мечтала обустроить детскую, исчезла.

Вторая папка. Отчуждение коммерческих прав. Моя фамилия, мои будущие рекламные контракты, архивы моих выступлений — всё это теперь принадлежало фонду Волкова. Второй росчерк.

Третья папка. Заявление о расторжении брака по обоюдному согласию.

Я замерла над этим листом. Пять лет моей жизни уместились на одном листе формата А4. Моя юность, моя слепая преданность, мои разорванные связи — всё это было здесь.

Я поставила подпись и с силой бросила ручку на стол. Она со звоном ударилась о стакан с водой.

Нотариус быстро и профессионально собрал документы, поставил свои печати, сложил часть бумаг в портфель, а синюю папку передал Олегу. Швейцарец вежливо попрощался на немецком и покинул палату, радуясь, что эта процедура заняла так мало времени.

Мы остались втроем.

Вадим поднялся. На его лице играло выражение абсолютного, нескрываемого превосходства. Он получил всё, что хотел. Он избавился от сломанной игрушки и забрал её батарейки.

— Это было правильное решение, Арина, — сказал он, застегивая пиджак. — Билет до Москвы придет тебе на почту. Олег пришлет тебе копии документов.

Он развернулся, чтобы уйти, но я остановила его своим голосом. Холодным, режущим, не сломленным.

— Забирай всё, Вадим.

Он обернулся, вопросительно подняв бровь.

— Забирай квартиру. Забирай мои деньги. Забирай Лику в номер 420, — я видела, как он вздрогнул при упоминании отеля, но продолжила, глядя ему прямо в душу. — Считаю, что эта подпись — моя плата за хирургическое удаление раковой опухоли. Опухоли, которой ты был в моей жизни все эти пять лет.

Его челюсти сжались. Мои слова ударили его по самолюбию, но он был слишком горд, чтобы показать уязвимость.

— Выздоровливай, Спасская, — бросил он, процедив слова сквозь зубы.

— И ты, Волков. Надеюсь, ты не подавишься моими деньгами.

Он вышел, с силой захлопнув за собой дверь. Олег виновато кивнул мне, пробормотал невнятное «Прости, Арина» и выскочил следом.

Палата снова стала пустой.

Я сидела в инвалидном кресле, слушая, как шаги моего бывшего мужа стихают в коридоре. Тишина швейцарской клиники оглушала.

У меня не было дома. У меня не было работы. Мои ноги были переломаны, а душа представляла собой выжженное поле.

Я медленно дотянулась до тумбочки и взяла телефон. Пальцы с трудом набрали единственный номер, который я помнила наизусть, не нуждаясь в телефонной книге.

Гудки шли бесконечно долго. Наконец на том конце раздался родной, встревоженный голос:

— Ариша? Доченька! Господи, я видела новости, я звонила Вадиму, но он сбрасывает... Что случилось?! Как ты?!

Я зажмурилась. Защитные барьеры рухнули, и слезы, которые я сдерживала перед Вадимом, хлынули из глаз неудержимым потоком.

— Мама... — мой голос сорвался на жалкий, детский всхлип. — Мама, пожалуйста... Забери меня отсюда.

— Я вылетаю, девочка моя. Я сейчас же беру билеты. Вадим с тобой? Он помогает?

— Нет, мам, — я судорожно вдохнула воздух, чувствуя, как боль в ноге возвращается с новой силой. — Вадима больше нет. У меня... у меня вообще больше ничего нет. Только это кресло.

Я уронила голову на руки, плача навзрыд, в пустой бе-

лой палате, наедине с холодной красотой Альп, которые были безразличны к моей разрушенной жизни. Я упала на самое дно. Дальше падать было некуда.

Но я еще не знала, что там, в московской квартире, мама уже пакует чемоданы. И что её маршрут будет пролегать не в престижную столичную клинику, а в глухие, темные леса Карелии. Туда, где среди вековых сосен жил человек с тяжелым взглядом и грубыми руками, способными собрать заново даже то, что рассыпалось в пыль.

Глава 8

Звук, с которым резиновые покрышки моего нового кресла катились по идеальному глянцевому керамограниту цюрихского аэропорта, напоминал тихое, монотонное жужжание бормашины. Мелкая вибрация от стыков плит передавалась через металлическую раму прямо в позвоночник, отдаваясь тупой пульсацией в загипсованной правой ноге.

Еще неделю назад я шагала по таким же терминалам легкой, пружинящей походкой, втянув живот и расправив плечи, ловя на себе восхищенные взгляды. Сегодня люди старательно отводили глаза. Никто не хочет смотреть на сломанные вещи. Чужая инвалидность пугает здоровых людей, напоминая им о собственной хрупкости. Я стала невидимкой. Точнее, громоздким, неудобным препятствием, которое нужно деликатно обойти.

Моя мама, Елена, толкала кресло вперед ровным, уверенным шагом. Она прилетела в Швейцарию ночным рейсом, ворвалась в мою палату подобно ледяному шторму и за пару часов свернула всю эту унизительную благотворительность Вадима, оформив выписку. Она не плакала. Она не заламывала руки над моей искалеченной ногой. Мама всю жизнь проработала в медицине, повидала достаточно чужой боли, чтобы знать: слезы не сращивают кости.

— Голову прямо, Ариша, — негромко скомандовала она, когда мы подъехали к зоне досмотра. — Ты не украла, не убила и не совершила ничего постыдного, чтобы прятать глаза.

Прохождение контроля оказалось отдельным кругом ада. Меня заставили подняться. Опираясь на плечо матери и подставленный охранником костыль, я простояла на здоровой ноге ровно минуту, пока рамка металлоискателя недовольно пищала, реагируя на титановые пластины, вшитые в мою плоть. Я чувствовала себя куском багажа, который просвечивают на таможне. Унижение обжигало щеки, но я стиснула зубы так крепко, что свело челюсть.

Только в самолете, когда стюардесса с дежурной сочувственной улыбкой пристегнула мой ремень и отвернулась, я позволила себе закрыть лицо руками. Гул двигателей набирал силу, отрезая меня от той страны, где я оставила свою карьеру и свой брак.

— Мам, — прошептала я, глядя в иллюминатор на удаляющиеся снежные пики. — Я подписала бумаги. Все бумаги.

Елена оторвала взгляд от журнала, который даже не читала.

— Какие бумаги, дочь?

— Отказ от квартиры. От коммерческих прав на мое имя. Мы оформили бракоразводное соглашение прямо в палате. Вадим привел нотариуса и пригрозил, что аннулирует медицинскую страховку, если я откажусь. У меня ничего нет. Ни

копейки на счетах. Я обнулилась.

Я ждала вздоха разочарования. Ждала упреков в глупости, в том, что я сдалась без боя. Но мамина рука, сухая, теплая и невероятно сильная, накрыла мои ледяные пальцы.

— Деньги — это просто грязь, Арина. Грязь, которую можно смыть или заработать заново. — В её голосе звучала непоколебимая, почти пугающая сталь. — Главное, что ты жива. А он... он просто купил себе билет в персональный ад. И поверь мне, он оплатит его по самому высокому тарифу. Мы выкарабкаемся.

Москва встретила нас слякотью, пронизывающим февральским ветром и низким, тяжелым небом, которое, казалось, ложилось прямо на крыши терминала Шереметьево. Контраст со стерильным, солнечным Цюрихом бил наотмашь. Город, который раньше был ареной моей славы, где на билбордах вдоль шоссе мелькало мое лицо, теперь выглядел враждебным, серым лабиринтом.

Водитель такси, грузный мужчина в кожаной куртке, с громким лязгом и ругательствами запихнул складное кресло в багажник. Я сидела на заднем сиденье, вытянув загипсованную ногу вдоль дивана. Каждый ухаб на Ленинградском шоссе отдавался в кости тупой, ноющей вспышкой.

— Фрунзенская набережная, дом пятьдесят, — четко произнесла Елена, садясь на переднее сиденье.

Меня словно ударило током. Сердце ухнуло куда-то под ребра.

— Мама, нет! — я подалась вперед, едва не свалившись с сиденья. — Зачем? Мы едем к тебе, в Митино! Это больше не моя квартира. Я отдала её ему!

Елена повернулась ко мне. Её лицо было непроницаемым.

— Юридически — да. Но физически там лежат твои теплая одежда, твои медицинские карты из сборной с историей всех прошлых травм, твой загранпаспорт. Я не собираюсь оставлять этому стервятнику твои личные вещи. Мы зайдем, заберем две сумки и уедем. У тебя есть ключи?

— В сумке, — глухо ответила я. — Но Вадим... У них же только вчера было закрытие чемпионата. Вдруг они еще там или только прилетели? Я не хочу его видеть.

— Твой бывший прилетел в Москву еще вчера утром, Арина, — жестко оборвала мама. — Спортивные порталы трубят о том, что Волков экстренно вернулся спасать свою Академию. Но сейчас середина рабочего дня. Он сто процентов сидит на ковре в федерации или вылизывает сапоги инвесторам, умоляя не разрывать контракты. Квартира должна быть пуста. Мы быстро заберем свое и уйдем.

Остаток пути мы проделали в молчании. Когда такси остановилось у знакомого элитного дома с коваными воротами, меня затрясло. В этой квартире я прожила пять лет. Здесь мы планировали наше будущее.

Процесс выгрузки кресла и преодоления высоких порогов подъезда занял минут десять. Я чувствовала себя громоздким, неуклюжим механизмом.

Дверь нашей — его — квартиры поддалась ровному повороту ключа. Замок сухо щелкнул.

Мама распахнула дверь и вкатила меня в просторную прихожую. И тут же, с первым вдохом, я поняла, что план спокойных сборов рухнул.

Квартира Вадима всегда пахла озоном, дорогой кожей и его древесным парфюмом. Этот запах был символом его тотального контроля. Но сейчас в нос ударил густой, удушливо-сладкий аромат. Запах, от которого у меня мгновенно скрутило желудок. «Пыльная роза».

Я опустила глаза. На идеальном, стерильно чистом полу, прямо посреди коридора, валялись ярко-розовые кроссовки со стразами. На консоли из черного мрамора, где Вадим запрещал оставлять даже ключи, чтобы не портить эстетику, небрежной кучей была брошена пушистая эко-шубка кислотного цвета и чужая женская сумка.

Вторжение. Грязное, наглое, не терпящее возражений вторжение на мою территорию. Он не просто прилетел. Он привез её сюда и выдал ей ключи.

Из глубины квартиры, со стороны нашей бывшей спальни, послышались шаркающие шаги.

— Зай, ты что-то забыл? — раздался капризный, сонный женский голос. — Я же просила заказать доставку из «Кофемании», я голодная...

В коридор, лениво потягиваясь и поправляя растрепанные после сна рыжие волосы, вышла Лика.

Она замерла, не дойдя до нас нескольких метров. Её рука так и зависла в воздухе. Секунду мы смотрели друг на друга в полной, звенящей тишине.

В её глазах не было ни капли стыда. Смятение длилось ровно одно мгновение, а затем на её юном, гладком лице расплылась снисходительная, откровенно наглая улыбка. Она окинула взглядом мое инвалидное кресло, задержалась на огромном гипсе и скрестила руки на груди. Она рассматривала меня не как человека, а как диковинное насекомое, которое по ошибке заползло в её новый дворец.

— Ого. А Вадим сказал, что ты проваляешься в швейцарской клинике еще минимум месяц, — Лика переступила с ноги на ногу, ничуть не смущаясь. — Он уехал в федерацию на экстренное совещание, а я тут... пока вещи свои разбираю.

Она небрежно кивнула в сторону длинного коридора. Только сейчас я заметила, что вдоль стены стоят пять огромных картонных коробок. Из одной торчал край моего золотого кубка за Чемпионат Европы.

— Твои железки как-то не вписываются в концепцию, — легкомысленно бросила Лика, подходя ближе. — Перестановку решила сделать. Гостиная была слишком мрачной. Так что ты вовремя, можешь забрать свой хлам.

Меня парализовало. Я сидела в этом проклятом кресле, чувствуя, как унижение заливает меня с головой. Это была моя квартира. Мои награды, ради которых я ломала кости. И эта восемнадцатилетняя выскочка, которая не выиграла

в своей жизни ни одного серьезного старта, стояла здесь и распоряжалась моей жизнью, словно мусором, пока Вадим решал свои проблемы.

Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела произнести ни звука.

Елена шагнула вперед.

Моя мама не стала кричать. Она не опустилась до базарной ругани или истерики. Она просто выпрямила спину так, словно к её позвоночнику привязали стальной лом, и посмотрела на Лику. Это был взгляд старшей медсестры реанимации, которая видит перед собой не человека, а назойливую, не очень чистую бактерию.

— Отойди с дороги, — голос мамы прозвучал тихо, но от этого ледяного тона температура в коридоре упала на десять градусов.

Лику инстинктивно вжала голову в плечи и отступила на полшага.

Елена даже не удостоила её вторым взглядом. Она прошла мимо девчонки так, словно той вообще не существовало в природе. Мама чеканным шагом направилась прямо в гардеробную, откуда тут же послышался звук открываемых шкафов и резкий лязг вешалок.

Мы остались вдвоем. Я — прикованная к коляске, и она — новая полноправная фаворитка моего бывшего мужа.

Лику, оправившись от минутного испуга, фыркнула и демонстративно откинула рыжую прядь за спину. Ей явно хо-

телось шоу. Ей хотелось насладиться своим триумфом, увидеть мои слезы, услышать проклятия.

Она развернулась и прогулочным шагом направилась на кухню.

— Будешь кофе? — крикнула она оттуда, звеня посудой. — А то у вас тут даже нормального сиропа нет, Вадим всё на диетах помешан. Приходится как-то выживать.

Я молчала, глядя на свои руки, сцепленные на коленях. Мои суставы побелели от напряжения, но внутри, к моему собственному удивлению, не было желания вцепиться ей в волосы. Глядя на эту глупую, самодовольную девчонку, я испытывала лишь безгливую, липкую жалость.

Через минуту Лика вернулась в гостиную.

Мое дыхание остановилось.

На ней был надет мой халат. Длинный, струящийся халат из тяжелого изумрудного шелка, который Вадим подарил мне на годовщину в Париже. Это была не просто одежда — это была вещь, которую я надевала только для него. И сейчас этот шелк небрежно облегал фигуру моей замены.

Но это было не всё. В руках Лика держала чашку. Мою любимую белую фарфоровую кружку с золотой каемкой, которую я привезла с первого в своей жизни Кубка мира в Токио.

Лика подошла к консоли, сделала глоток кофе и нарочито медленно опустила чашку на черный мрамор. На белоснежном краешке остался жирный, вульгарный отпечаток пома-

ды цвета «пыльная роза».

Она поймала мой взгляд и удовлетворенно улыбнулась.

— Кстати, халат я оставлю себе, ладно? — она провела рукой по изумрудному шелку на бедре. — Вадим говорит, мне этот цвет идет больше. Да и тебе в инвалидном кресле всё равно будет неудобно — в длинных полах только колеса запутаются.

Она ждала взрыва. Она ждала, что я начну кричать, биться в истерике, требовать снять мои вещи.

Но я смотрела на этот отпечаток помады на моей победной чашке, на этот изумрудный шелк, и внезапно поняла одну абсолютно четкую, кристально ясную вещь.

Квартира, вещи, кубки, сам Вадим — всё это больше не имело ко мне никакого отношения. Это была золотая, стерильная клетка, в которой из меня выкачивали жизнь. Меня вышвырнули оттуда, сломав мне кости, но... меня освободили.

А эта дурочка в чужом халате только что сама с радостным визгом заперла за собой дверцу этой клетки. Она еще не знает, что Вадим не умеет любить. Что Вадим — это механизм по переработке человеческих ресурсов. Сегодня она пьет кофе из моей чашки в его квартире, а завтра он будет замерять её талию щипцами, орать на неё до срыва голоса на ковре, колоть ей блокады, чтобы она прыгала с порванными связками, и превращать её жизнь в такой же филиал ада, каким была моя.

Моя злость испарилась, уступив место абсолютному, холодному презрению.

В коридор вышла Елена. В одной руке она несла объемную спортивную сумку, туго набитую теплыми вещами, в другой — пластиковую папку с моими медицинскими документами. Мама подошла к коробкам с наградами, без лишних слов вытащила оттуда мой паспорт и кинула его в сумку.

— Это всё. Остальное — мусор, — коротко бросила мама, подходя ко мне и берясь за ручки кресла. — Поехали, Арина. Нам здесь нечем дышать.

Она развернула коляску к выходу.

Лица, разочарованная отсутствием скандала, шагнула следом.

— Ну, счастливой дороги! — крикнула она нам в спины. — Не переживай за Вадима, я о нем позабочусь!

Я положила руки на колеса и затормозила кресло прямо в дверном проеме. Мама вопросительно посмотрела на меня, но не стала подгонять.

Я медленно, с усилием развернула корпус и посмотрела на Лику. Она стояла посреди чужого коридора, кутаясь в чужой шелк.

— Оставь себе всё, Лица, — мой голос прозвучал тихо, но акустика пустой прихожей разнесла его до каждого угла. — И халат, и чашку, и моего мужа. Носи на здоровье.

Я выдержала паузу, глядя, как её самодовольная улыбка начинает слегка сползать под тяжестью моего ледяного спо-

койствия.

— Только запомни один момент, — добавила я, глядя ей прямо в глаза. — Посмотрим, как быстро он выбросит тебя в мусорное ведро, когда ты не докрутишь сальто и сломаешь ногу. Береги суставы, девочка. Твой срок годности уже пошел на убыль.

Я отвернулась.

— Закрывай дверь, мам. Сквозит.

Мама выкатила кресло на лестничную площадку, и тяжелая дубовая дверь с мягким, дорогим щелчком захлопнулась, отсекая мою прошлую жизнь навсегда. Я не оборачивалась. Запах кедра и «пыльной розы» остался по ту сторону баррикад.

Мы спустились на первый этаж в просторном грузовом лифте. Консьерж, который еще недавно заискивающе открывал передо мной двери, сейчас лишь неловко отвел глаза, уткнувшись в свой монитор.

Выкатившись на улицу, я полной грудью вдохнула ледяной, влажный московский воздух. Снег с дождем хлестал по лицу, но я не пыталась укрыться. Этот холод отрезвлял. Он смывал с меня остатки наркоза, швейцарской стерильности и московского гламура.

Таксист помог маме загрузить сумку и снова убрал коляску в багажник. Я устроилась на заднем сиденье, придерживая тяжелый гипс руками.

Двигатель тихо заурчал. Машина плавно отъехала от тро-

туара Фрунзенской набережной, оставляя позади дом, который больше никогда не назовет меня своей хозяйкой.

Я прислонилась лбом к холодному стеклу. Пейзаж за окном сливался в серую, смазанную полосу. У меня не было квартиры. У меня не было мужа. У меня не было денег. Я была сломанной куклой в гипсовом панцире.

— Куда мы теперь, мам? — тихо спросила я, не отрывая взгляда от окна. — К тебе? У меня впереди месяцы реабилитации. Столичные врачи стоят целое состояние, а я... я теперь даже за такси заплатить не могу.

Елена, сидевшая рядом со мной, мягко, но уверенно обняла меня за плечи, притягивая к себе. Запах маминых духов — тонкий аромат ландыша — мгновенно вернул меня в детство, когда любые разбитые коленки лечились одним её поцелуем. Но сейчас разбита была не коленка. Разбита была вся я.

— В Москве нас больше ничего не держит, Ариша, — произнесла мама, и в её голосе зазвучали странные, незнакомые мне нотки — смесь давней решимости и какой-то тщательно скрываемой тайны. — И столичные врачи тебе не помогут. Они умеют только выносить приговоры и выписывать счета.

Я удивленно повернула голову.

— А кто поможет?

Елена посмотрела на меня долгим, серьезным взглядом. В её глазах отражался свет уличных фонарей, прорезающих

московскую слякоть.

— Мы едем в Карелию, дочь. У меня там остался старый, пустой дом от бабушки. Глухая деревня, лес и озеро.

— В деревню? — я непонимающе моргнула. — Мам, какая деревня? Мне нужны снимки, физиотерапия, аппараты. Я же там просто сгнию в этой коляске!

— Не сгниешь, — жестко оборвала она мою панику. — Мы едем туда не прятаться. Мы едем к одному человеку. К тому, кто живет там уже много лет, вдали от людей и всей этой столичной грязи.

Мама отвернулась к окну, словно собираясь с мыслями. Её пальцы крепко сжали ручку моей спортивной сумки.

— Когда-то давно, в другой жизни, он был лучшим хирургом, которого я знала. Он собирал по кускам тех, от кого отказывались светила мировой медицины. У него тяжелый характер, он нелюдим и терпеть не может нытиков. Но его руки... его руки могут совершить чудо. Если кто-то на этой планете и способен поставить тебя на ноги, вернуть тебе твои крылья и заставить этого выродка Вадима захлебнуться своей желчью — то это только он.

Я смотрела на профиль матери, чувствуя, как где-то глубоко внутри, под слоями пепла и отчаяния, зарождается крошечная, пульсирующая искра.

— Кто он, мам?

Елена медленно выдохнула.

— Человек, которому тоже однажды сломали жизнь. Лес-

ной лекарь. Отшельник. — Она перевела на меня взгляд, полный абсолютной веры. — Готовься, Арина. Завтра утром мы садимся на поезд. Легко не будет. Но я обещаю тебе: ты пойдешь.

Такси нырнуло в тоннель, отрезая нас от серого света московского дня. Моя старая жизнь закончилась здесь, на заднем сиденье пропахшего бензином автомобиля. А впереди, за сотни километров отсюда, среди темных карельских лесов и холодных озер, меня ждал тот, кто должен был стать моим спасением. Или моим окончательным наказанием.

Глава 9

Старый диван в маминой квартире в Митино имел свой собственный голос — он скрипел на каждой пружине, словно жаловался на жизнь. Этот звук стал первым, что я услышала, вынырнув из тяжелого, липкого сна.

Я открыла глаза и уставилась на выцветшие обои в мелкий цветочек. На потолке висела люстра с одним перегоревшим плафоном — вечная деталь, до которой у мамы никогда не доходили руки. Здесь пахло пылью, старыми книгами и валокордином. Запах бедности и честности. Запах моего детства, от которого я так старательно убегала в глянцевый мир большого спорта, и в который рухнула обратно с высоты швейцарских Альп.

Попытка сесть превратилась в унижительную спецоперацию. Правая нога, закованная в тяжелый гипс, казалась чужеродным предметом, привязанным к бедру. Я уперлась локтями в продавленную обивку, стиснула зубы и рывком подтянула корпус. Боль в таранной кости тут же отозвалась резким, горячим уколом, напоминая: швейцарская магия закончилась. Анальгетики, которые мне дали с собой, нужно было экономить.

— Проснулась? — Мама вошла в комнату, вытирая руки кухонным полотенцем. На ней был старый растянутый свитер и джинсы, в которых она обычно ездила на дачу. — Вста-

вай, Ариша. Поезд ждать не будет. Такси приедет через сорок минут.

Она не сюсюкала. В её голосе не было той жалостливой па-токи, которой меня поливали врачи в Цюрихе. Елена Спас-ская снова была в режиме «старшая медсестра реанимации»: четкие команды, минимум эмоций, максимум эффективно-сти.

Одевание стало пыткой. Раньше мое тело было совершен-ным инструментом. Я могла завязать шнурки, стоя на одной ноге в ласточке. Я чувствовала каждую мышцу, каждый су-хожилий. Теперь я была мешком с костями, который нужно было обряжать в широкие спортивные штаны, разрезанные по боковому шву, чтобы пролез гипс.

Мама молча помогала мне. Она натягивала ткань, придержи-вала меня за поясницу, когда я теряла равновесие. Я ви-дела её руки — обветренные, с короткими ногтями, без ма-никюра. Руки, которые всю жизнь работали, чтобы я могла порхать в купальниках за тысячу евро.

— Прости меня, — вырвалось у меня, когда она завязы-вала шнурок на моей здоровой левой кроссовке.

Мама подняла голову.

— За что?

— За то, что я стала обузой. Ты должна была сейчас са-жать рассаду на балконе, а не тащить инвалида на край света.

Елена выпрямилась, и её взгляд стал жестким.

— Обуза — это тот, кто сдался и лежит лицом к стене. А

мы с тобой едем воевать. Давай руку.

Ленинградский вокзал встретил нас мокрым снегом, который тут же превращался в серую кашу под ногами тысяч людей. Москва жила в своем бешеном ритме. Люди бежали, толкались, кричали в телефоны. Никому не было дела до бледной девушки в инвалидном кресле, которую толкала вперед женщина с решительным лицом.

Я чувствовала себя невидимкой. Призраком. Еще неделю назад мое лицо смотрело на этих людей с рекламных щитов вдоль трассы. «Арина Спасская выбирает победу». Теперь я выбирала самый дешевый билет в плацкарт, если бы мама не настояла на купе для инвалидов.

В вагоне пахло углем, сыростью и дешевым чаем. Проводница, полная женщина с усталым лицом, помогла маме затащить меня в купе и равнодушно проверила билеты.

— Белье на полке. Кипяток в начале вагона. Инвалидное кресло сложите, а то проход загораживает.

Когда поезд дернулся и перрон поплыл назад, я прислонилась лбом к холодному стеклу. Серые здания, промзоны, гаражи — всё это сливалось в одну бесконечную полосу отчуждения. Я прощалась не просто с городом. Я прощалась с собой. Той Ариной, которая верила в любовь, в справедливость и в то, что если ты будешь лучшей, тебя никогда не бросят.

Я достала телефон. Палец привычно скользнул по экрану. В списке контактов всё еще висело имя «Вадим». Фотогра-

фия, где он улыбается — той самой голливудской улыбкой, за которую я продала душу.

Я не чувствовала злости. Злость — это горячее чувство, а внутри меня был только ледяной пепел. Я нажала на три точки в углу экрана. «Заблокировать контакт». «Удалить чат».

Подтвердить?

Да.

Экран мигнул, и переписка длиной в пять лет исчезла. Словно и не было этих тысяч сообщений: «Люблю», «Ты лучшая», «Купи хлеба», «Мы чемпионы», «Прости, задержусь». Цифровая ампутация прошла успешно.

— Правильно, — коротко сказала мама, заметив мое движение. Она достала из сумки термос и бутерброды. — Мертвых нужно отпускать. Особенно если они еще живы.

Ночь в поезде оказалась бесконечной. Мерный стук колес, который должен был убаюкивать, превратился в пытку. Каждый стык рельсов отдавался вибрацией в моей ноге. Гипс стал тесным, нога под ним отекала и горела огнем. Фантомные боли в разорванных связках смешивались с реальной, ноющей болью в костях, стянутых титаном.

Я ворочалась на узкой полке, кусая губы, чтобы не стонать. Швейцарские чудо-таблетки закончились еще днем.

— Болит? — голос мамы прозвучал из темноты нижней полки.

— Терпимо, — соврала я.

Щелкнул ночник. Мама встала, достала свою аптечку —

старую, потертую косметичку, пахнущую корвалолом.

— Не ври мне, Арина. Я вижу, как у тебя челюсть сведена. Повернись на бок.

Укол банального обезболивающего показался мне благословием. Боль не ушла совсем, но она отступила, стала глухой и ватной, позволив мне наконец расслабить сведенные судорогой мышцы спины.

— Мам, — прошептала я, глядя, как она убирает шприц. — Расскажи мне про него.

Елена замерла. Она села на край моей полки, поправляя сбившееся одеяло. В тусклом свете ночника её лицо казалось старше, но в глазах горел тот же огонь, что заставил нас сорваться с места.

— Я думала, ты спросишь раньше.

— Мне было страшно спрашивать. Ты сказала «отшельник». Звучит как начало плохого триллера. Мы едем к какому-то знахарю, который будет лечить меня лопухами?

Мама усмехнулась. Это была горькая, сухая усмешка.

— Лопухами... Если бы. Его зовут Михаил. Михаил Северцев. Восемь лет назад эта фамилия гремела в медицинских кругах Москвы. Он был заведующим отделением травматологии в одной из ведущих клиник. Бог хирургии, Арина. Он собирал позвоночники после таких аварий, где людей привозили в пакетах. У него руки... — мама посмотрела на свои ладони, словно вспоминая что-то, — у него руки пианиста и хватка бультерьера. Он видел то, что не видели рент-

геновские аппараты.

— И что случилось? Почему он в лесу?

Лицо мамы помрачнело. Тени под глазами стали резче.

— Потому что он был не только гениальным, но и принципиальным. Это плохая комбинация для нашей системы. Однажды к ним в отделение привезли сына одного очень высокого чиновника. ДТП, пьяный за рулем, сложная сочетанная травма. Оперировал не Михаил, а протеже главврача. И протеже облажался. Парень умер на столе.

Мама замолчала, глядя в темное окно, где проносились силуэты деревьев.

— Скандал замяли. Но нужен был козел отпущения. Подписи подделали, карты переписали. Всю вину свалили на Михаила, который в ту ночь даже не дежурил, но официально числился ответственным. Его лишили лицензии, завели уголовное дело. Он доказал свою невиновность в суде, потратив на это всё, что у него было — квартиру, деньги, репутацию. Но из медицины его вышвырнули с «волчьим билетом».

— И он уехал?

— Он сломался, Ариша. Не профессионально, а человечески. Он возненавидел людей. Сказал, что больше никогда не возьмет в руки скальпель, чтобы спасти тех, кто готов ударить в спину. У него был старый дедовский дом в Карелии, на хуторе Медвежий Угол. Он уехал туда. И с тех пор о нем никто не слышал.

Я слушала, и холодок бежал по спине.

— И ты думаешь, он примет нас? — спросила я шепотом.
— Человек, который ненавидит людей? Бывший хирург, которого предали? Мам, он же пошлет нас куда подальше.

Елена посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом.

— Он может послать. Он может наорать. Он может даже спустить собак. Но у нас нет выбора. И у него... у него есть должок передо мной. Давняя история. Спи, дочь. Завтра будет трудный день.

Она выключила свет. Я лежала в темноте, слушая стук колес, и думала о человеке, к которому мы едем. Не добрый доктор Айболит. А раненый, озлобленный зверь, загнанный в чащу. И я, сломанная кукла, еду просить у него помощи.

Утро за окном было серым и неприветливым. Пейзаж изменился. Исчезли подмосковные березки и дачные поселки. Теперь вдоль путей стеной стоял темный, мрачный ельник. Камни, покрытые мхом, мелькали в низинах. Небо казалось свинцовым, оно висело так низко, что верхушки сосен царапали облака.

Петрозаводск встретил нас пронизывающим ветром с Онеги. На перроне нас ждал водитель, которого нашла мама — хмурый мужик в камуфляже, с лицом, выдубленным ветрами. Он молча кивнул Елене, подхватил мою коляску вместе со мной, как пушинку, и понес к выходу, игнорируя пандусы.

Машина, на которой нам предстояло ехать дальше, выгля-

дела ровесницей века. Старый, побитый жизнью УАЗ «Патриот», весь в засохшей грязи, стоял на привокзальной площади как танк.

— До Медвежьего? — коротко спросил водитель, кидая наши сумки в багажник. — Деньги вперед. Дорогу развезло, могу не проехать.

— Договорились, — мама протянула ему несколько купюр.

Мы выехали из города, и цивилизация начала стремительно таять. Асфальт сначала покрылся трещинами, потом превратился в "стиральную доску", а через час исчез вовсе, уступив место разбитой грунтовке, петляющей среди бесконечных лесов.

Меня швыряло по заднему сиденью. Я вцепилась в поручень, стискивая зубы, чтобы не прикусить язык. Боль в ноге из тупой превратилась в острую, пульсирующую. Каждый удар подвески отдавался в кости.

— Долго еще? — простонала я через час этой пытки.

— Километров сорок, — буркнул водитель. — Если мост через ручей не смыло.

Я достала телефон, надеясь отвлечься. Взгляд упал на верхний правый угол экрана. Четыре палочки связи сменились на две. Потом появилась буква «Е». Потом — «Нет сети».

Я смотрела на этот пустой значок, и меня охватила паника. Я была отрезана. Ни новостей, ни возможности позво-

нить, ни карты. Только бесконечный, угрюмый лес за окном, который смотрел на нас тысячами глаз. Сосны стояли плотной стеной, их ветви были тяжелыми от мокрого снега. Это была не природа с картинки. Это была стихия — равнодушная и опасная.

Внезапно машина резко затормозила, меня мотнуло вперед. Мотор чихнул и заглох.

— Всё, — сказал водитель, глуша зажигание. — Приехали. Дальше я не полезу, там трактор нужен, а не машина.

Я посмотрела в лобовое стекло. Дорога — если это меси-во из глины, воды и камней можно было так назвать — упиралась в поваленную сосну. Дальше виднелась только узкая, едва различимая просека, уходящая в чащу.

— Где мы? — тихо спросила я.

— Медвежий Угол. Точнее, поворот на него. — Водитель вышел из машины и открыл мою дверь. В лицо ударил запах хвои, прелой листвы и холодной сырости. — До дома отшельника километра полтора пешком. Вон по той тропе.

Полтора километра. Пешком.

Я посмотрела на свои ноги. На гипс, обмотанный пакетом от грязи. На маму, которая уже вытаскивала складное кресло из багажника.

— Вы шутите? — я перевела взгляд на водителя. — Я не могу идти. У меня кресло. Оно там увязнет через два метра!

Мужик пожал плечами, выгружая наши сумки прямо в грязь на обочине.

— Мое дело — довезти до точки. Дальше сами. Местные туда не ходят. Боятся.

Он захлопнул багажник, сел за руль, развернулся с пробуксовкой, обдав нас комьями глины, и уехал. Рев мотора стих вдалеке, и нас накрыла тишина.

Такая тишина бывает только в склепе. Ни шума машин, ни голосов, только шум ветра в вершинах гигантских елей и крик ворона где-то вдалеке.

Мама разложила коляску. Она поставила её на относительно сухой участок земли.

— Пересаживайся, Арина.

— Мам, ты с ума сошла? — у меня началась истерика. Слезы брызнули из глаз. — Посмотри туда! Там грязь по колено! Мы не проедем! Мы умрем здесь, в этом лесу, и нас найдут только весной! Зачем мы приехали?!

Я плакала от боли, от страха, от абсурдности ситуации. Я, Арина Спасская, которая еще неделю назад жила в "Ритце", теперь сидела в грязи посреди карельской тайги, брошенная таксистом.

Елена подошла ко мне. Она не стала меня утешать. Она схватила меня за куртку и встряхнула.

— Прекрати истерику! — её голос хлестнул как пощечина. — Посмотри на меня! Да, здесь грязь. Да, связи нет. Да, мы в полной заднице. Но назад дороги нет. Там, в Москве, ты уже мертва. Ты — пустая оболочка в пустой квартире, которую жалеет любовница мужа. Ты этого хочешь? Вернуться

и ползать перед Вадимом?

Я замерла, глотая воздух.

— Нет.

— Тогда заткнись и пересаживайся в кресло. Я протащу тебя. На себе потащу, если надо. Добро пожаловать в чистилище, дочь. Здесь столичные правила не работают. Либо этот лес и тот человек вытащат тебя с того света, либо мы останемся здесь. Выбирай.

Я посмотрела в темную чащу, где петляла едва заметная тропа. Это был вход в другой мир. Мир без компромиссов.

Я вытерла слезы грязным рукавом куртки. Уперлась здоровой ногой в землю и перевалила свое тело в коляску.

— Поехали, — хрипло сказала я. — Только не урони меня, мам.

Мама взялась за ручки кресла. Колеса чавкнули, погружаясь в мокрый мох. Мы двинулись вперед, вглубь леса, навстречу неизвестности, которая ждала нас в доме человека, ненавидящего весь мир.

Глава 10

Грязь в Карелии имеет свой характер. Она не похожа на московскую слякоть, разбавленную реагентами. Здесь это живая, хищная субстанция — смесь глины, талого снега и перегнившей хвои, которая засасывает всё, что имеет неосторожность коснуться её поверхности.

Мои колеса увязли намертво через пятнадцать метров после того, как такси скрылось за поворотом.

Мама, покрасневшая от натуги, упиралась ногами в скользкую землю, пытаясь протолкнуть коляску вперед. Её дыхание с хрипом вырывалось из груди, превращаясь в белые облачка пара. Лес вокруг стоял стеной — угрюмый, молчаливый, равнодушный к двум женщинам, решившим поиграть в выживание.

— Мам, брось, — мой голос сорвался. — Я вылезу. Я поползу.

— Сиди! — рявкнула она, дергая ручки кресла. — Еще не хватало тебе в этой жиже искупаться. Сейчас... сейчас я ветки подложу.

Мы были похожи на муравьев, пытающихся штурмовать Эверест. Я чувствовала себя не просто беспомощной. Я чувствовала себя якорем, который тянет единственного родного человека на дно.

Внезапно лесную тишину разорвал низкий, утробный

рык. Он шел не сбоку, а прямо с тропы впереди.

Я вскинула голову. В десяти метрах от нас, преграждая путь, стоял пес. Огромный, лохматый алабай грязно-белого цвета, больше похожий на медведя. Его губа была вздернута, обнажая желтые клыки, а взгляд не обещал ничего, кроме скорой расправы.

Мама замерла, медленно опуская ветку, которую подняла с земли.

— Не двигайся, Арина, — прошептала она одними губами.

Вслед за псом на тропу вышел человек.

Если бы я встретила его в Москве, я бы перешла на другую сторону улицы. Он был огромным. Широкие плечи, обтянутые грубым вязаным свитером, поверх которого была наброшена брезентовая штормовка. Лицо скрывала густая борода с проседью, делая его похожим на лешего или беглого каторжника. В правой руке он небрежно, словно тростинку, держал тяжелый колун для дров.

Он остановился, глядя на нас сверху вниз. В его глазах, глубоко посаженных и темных, как лесные омуты, не было ни удивления, ни жалости. Только глухое, тяжелое раздражение.

— Я не заказывал доставку из цирка, — его голос прозвучал как скрежет камней. — Разворачивайтесь.

Мама вышла вперед, заслоняя меня собой. В её позе, несмотря на маленький рост по сравнению с этим велика-

ном, появилась та самая сталь, которую я видела в ней только в критических ситуациях в реанимации.

— Здравствуй, Миша. Собаку убери. Ты знаешь, я кошек люблю, а не псов.

Великан чуть наклонил голову, прищуриваясь. Он шагнул ближе, и я невольно вжалась в спинку кресла. Он пах дымом, смолой и чем-то резким, медицинским — спиртом или эфиром.

— Лена? — он хмыкнул, и это не было улыбкой. — Ты постарела. И поглупела, раз притащилась сюда в распутицу.

— Жизнь не курорт, — парировала мама. — Нам нужна помощь. И крыша над головой.

Михаил перевел взгляд на меня. Я чувствовала, как он сканирует меня — не как женщину, не как человека, а как сломанный механизм. Его взгляд задержался на моем загипсованном бедре, потом скользнул по рукам, вцепившимся в подлокотники, и остановился на лице.

— Я не богадельня, — отрезал он. — И не хоспис. Забери свою куклу и уматывай. Я ясно сказал восемь лет назад: для людей меня нет.

— А для меня? — тихо спросила мама.

Она сделала шаг к нему, сокращая дистанцию до опасного минимума.

— Ты помнишь, Миша? Той ночью, когда ты подписывал протоколы, которые тебя уничтожили. Кто единственный не поставил подпись против тебя? Кто вынес копии настоящих

карт, рискуя своей карьерой и свободой?

Михаил замер. Желваки на его скулах, скрытых бородой, дрогнули. Он сжал рукоять топора так, что побелели костяшки пальцев.

— Ты берешь плату за прошлое, Лена? — глухо спросил он.

— Я беру шанс для своей дочери. Ей двадцать пять, и её списали в утиль. Как тебя тогда.

Повисла тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием пса. Я боялась даже моргнуть. Сейчас решалась моя судьба: или он пустит нас, или мы останемся замерзать в этой грязи.

Михаил сплюнул под ноги.

— Грэй, место! — рявкнул он. Пес тут же закрыл пасть и сел, превратившись в послушное изваяние.

Отшельник подошел к моей коляске.

— Руки убери, — бросил он мне.

Я не успела среагировать, как он схватился за раму кресла своими ручищами и одним рывком, вместе со мной, выдернул коляску из вязкой жижи. Меня мотнуло, боль в ноге стрельнула до самого затылка, но я прикусила губу.

— В дом я вас не пущу, — бросил он через плечо маме, толкая кресло вперед по тропе с такой легкостью, словно оно было пустым. — Живите в гостевом срубе. Баня там есть, печь работает. Дрова сами наколете, воду из колодца натаскаете. Нянькой я наниматься не буду.

— Справимся, — выдохнула мама, подхватывая сумки.

Мы въехали во двор. Это было не похоже на дачу. Это был форт. Высокий забор из горбыля, массивный дом из темных бревен, похожий на берлогу, и чуть поодаль — приземистое строение, из трубы которого шел дым. Вокруг — лес, лес и еще раз лес. Никаких соседей, никаких дорог. Конец географии.

— Затаскивай, — Михаил кивнул на крыльцо гостевого домика. — И чтобы я вас не видел и не слышал. Если начнете ныть — вышвырну.

Он развернулся и ушел в свой дом, громко хлопнув тяжелой дверью.

Первая ночь в Медвежьем Углу стала для меня посвящением в ад. Здесь не было центрального отопления, ортопедического матраса и кнопки вызова медсестры. Была жесткая деревянная кровать, застеленная колючим шерстяным одеялом, печь, которая то и дело стреляла искрами, и абсолютная, звенящая темнота за окном.

Мама растопила печь, принесла воды. Я видела, как дрожат её руки, но она улыбалась мне, нарезая хлеб и открывая банку тушенки.

— Ничего, Ариша. В тесноте, да не в обиде. Воздух-то какой, чувствуешь?

Я чувствовала только запах сырости и безысходности. Моя нога ныла так, словно её грызла та самая собака. Я лежала, глядя на пляшущие тени на потолке, и думала о том, что Вадим сейчас, наверное, ужинает в ресторане. Или вы-

бирает новые шторы в нашу гостиную вместе с Ликой. Эта мысль жгла сильнее, чем боль в костях.

Утром дверь нашего убежища распахнулась без стука. На пороге стоял Михаил. В руках у него был старый советский ящик с инструментами, а на шее висел фонендоскоп, который смотрелся на его грубой куртке как инородное тело.

— Показывай, — скомандовал он, подходя к кровати.

Я попыталась натянуть одеяло повыше.

— Что показывать?

— То, что от тебя осталось. Живее. У меня нет всего дня.

Мама молча откинула одеяло и помогла мне задрать штанину. Гипс, наложенный в Цюрихе, был произведением искусства — легкий, полимерный, с окошками для обработки швов.

Михаил хмыкнул. Он достал из ящика ножницы по металлу — огромные, страшные клещи.

— Эй! Вы что делаете?! — я дернулась. — Это швейцарский гипс! Его нельзя снимать!

— Это парник для гангрены, а не гипс, — спокойно ответил он. — Держи её, Лена.

Мама прижала мои плечи к кровати.

— Терпи, дочь.

Щелчок ножниц прозвучал как выстрел. Михаил разрезал дорогой полимер, не обращая внимания на мои протесты. Когда он снял "панцирь", я впервые за неделю увидела свою ногу. Она была синей, отекавшей, со свежими, воспаленными

швами. Мышцы голени, когда-то стальные, выглядели жалкими и дряблыми.

Михаил начал осмотр. Его пальцы были жесткими, мозолистыми. Он не спрашивал "где болит", он нажимал на точки так точно, что я вскрикивала, выгибаясь дугой.

— Титан, — констатировал он, прощупывая сустав. — Собрали, как конструктор. Винты загнали глубоко. Технически — чисто.

Он поднял на меня взгляд.

— Но это мертвая конструкция. Швейцарцы скрутили кости, но убили трофику. Кровь не идет. Нерв пережат. Если оставить так, через полгода нога усохнет, и ты будешь хромать до конца дней.

— А что делать? — прошептала я, стирая пот со лба.

— Ломать систему. Восстанавливать кровоток. — Он бросил остатки гипса на пол. — Но я вижу другую проблему.

— Какую?

Он ткнул пальцем мне в лоб. Грубо, больно.

— Гниль в голове. Ты смотришь на ногу, как на кусок мяса, который тебя предал. Ты жалеешь себя. А жалость — это трупный яд. Пока ты лежишь и воешь на луну, мышцы атрофируются. Ты не ногу лечить приехала, принцесса. Ты приехала лечить волю. Но её я у тебя не вижу.

Он собрал инструменты, оставив на тумбочке банку с какой-то бурой мазью.

— Мазать два раза в день. Растирать до жара. Если будет

орать — пусть орет. Голосовые связки у неё здоровые.

И ушел.

Потянулись дни, похожие на серый, липкий кисель. Если существует ад на земле, то он находился в Карелии, в марте месяце, в доме без удобств.

Моя жизнь превратилась в унижительную рутину. Туалет — ведро в углу, потому что до уличного я не могла добраться. Мытье — раз в три дня, когда мама протапливала баню и тащила меня туда на себе. Еда — каша на воде и травяные отвары, которые приносил Михаил. Он больше не заходил, оставлял кастрюлю на крыльце и исчезал в лесу.

Я угасала. Депрессия накрыла меня черным куполом. Я целыми днями лежала лицом к стене, считая трещины на бревнах. Я не хотела мазать ногу. Я не хотела есть. Я хотела уснуть и не проснуться.

Мама пыталась меня растормошить, но я огрызалась. Я ненавидела этот дом, этот лес, этот запах хвои. И больше всего я ненавидела Вадима. Но эта ненависть была бессильной, пассивной, как яд, который медленно убивал меня изнутри.

Прошло три недели. Снег начал сходить, превращая двор в непролазное болото.

В тот день мама уехала с утра. Местный егерь, заезжавший к Михаилу за патронами, согласился подбросить её до ближайшего поселка, где был магазин и, главное, аптека.

Я осталась одна. Тишина давила на уши. Я лежала и смотрела, как солнечный луч ползет по половицам, пытаюсь

вспомнить, каково это — делать сальто. Тело забыло полет. Оно помнило только тяжесть.

Мама вернулась к вечеру. Она вошла, румяная с мороза, с полными сумками. От неё пахло снегом и "большой землей".

— Ариша, смотри, я творога купила! Домашнего! И яблок! — она суежилась, разбирая пакеты, но я заметила, что её глаза бегают. Она что-то скрывала.

— Мам, что случилось?

— Ничего. Просто устала. Дорога тяжелая.

— Ты врешь.

Я попыталась сесть.

— Дай мне телефон. Ты зарядила его в поселке?

— Зарядила, но там сети почти не было... Арина, тебе не нужно...

— Дай. Мне. Телефон.

Елена вздохнула. Она достала из кармана куртки мой смартфон.

— Я просто хотела проверить почту, — оправдывалась она, протягивая гаджет. — А там... новости вылезли.

Я схватила телефон. Батарея показывала 15%. Но этого хватило. Сеть поймала одну палочку — ветер подул в нужную сторону.

Уведомления посыпались градом, но я открыла браузер. История поиска. Первая ссылка.

«Вадим Волков и его новая муза: Свадьба года?»

Видео загружалось мучительно долго. Пиксели прыгали,

звук отставал. Но я увидела.

Студия ток-шоу. Вадим сидит на белом диване. Рядом — Лика. Она в том самом изумрудном платье, которое, видимо, перешили под неё. На её пальце сверкает кольцо. То самое кольцо с бриллиантом, которое я выбирала с ним в каталоге год назад, мечтая, что он подарит его мне на юбилей свадьбы.

Вадим улыбался. Он держал её за руку и говорил. Я прибавила звук на максимум.

— ...Понимаете, спорт — это жизнь на высоких скоростях. Иногда мы совершаем ошибки. Мой прошлый брак был такой ошибкой. Я был молод, я путал роль наставника и мужа. Арина... она была великой спортсменкой, я не спорю. Но как человек... она была очень тяжелой. Депрессивной. Она тянула меня назад, требовала постоянного обслуживания её комплексов. Я задыхался.

Ведущая сочувственно кивала:

— То есть, ваша нынешняя невеста — это глоток свежего воздуха?

Вадим повернулся к Лике и посмотрел на неё с той нежностью, которую я не видела годами.

— Лика — это мое вдохновение. Она легкая, живая. С ней я наконец-то понял, что такое настоящая любовь, а не партнерство по контракту. Мы планируем свадьбу летом. И, конечно, мы готовим новую программу, которая потрясет мир. Академия Волкова только начинает свой взлет.

— А как же Арина? Вы помогаете ей?

Вадим сделал скорбное лицо.

— Я сделал всё, что мог. Оплатил лечение, оставил ей средства. Но она выбрала путь затворничества. Это её выбор. Я желаю ей добра, но прошлое должно оставаться в прошлом.

Видео зависло.

Я сидела, глядя на застывшую физиономию моего мужа. «Тяжелая». «Депрессивная». «Ошибка молодости».

Он не просто обокрал меня. Он переписал мою историю. Он публично стер меня, выставив истеричкой, которая мешала гению творить. А сам сидит в эфире федерального канала, обнимает девку, которая носит мои вещи, и строит планы на моем фундаменте.

Внутри меня что-то щелкнуло. Громко, как ломается сухая ветка.

Жалость к себе, в которой я тонула три недели, вдруг вспыхнула и сгорела за секунду. На её месте образовалась черная дыра, из которой полыхнуло ледяным, яростным пламенем.

Я швырнула телефон в стену. Он ударился о бревно и упал на пол, но экран не погас.

— Арина! — мама бросилась ко мне.

— Не трогай меня! — прорычала я.

Я сбросила одеяло. Схватила за спинку кровати. Я должна встать. Я должна выйти отсюда.

— Дочь, ты что делаешь?! Тебе нельзя!

Я не слушала. Я сползла с кровати на пол, ударившись коленями. Боль прошла тело, но мне было плевать. Я поползла к двери, волоча за собой больную ногу.

— Коляску! — крикнула я. — Мама, дай мне чертову коляску!

Елена, испуганная моим бешенством, подкатила кресло. Я вскарабкалась в него, рыча от натуги.

Я вылетела на крыльцо. Вечерний воздух ударил в лицо.

Михаил был во дворе. Он колол дрова. Методично, размеренно. Удар — треск — полено разлетается надвое. Удар — треск.

Я крутанула колеса, съезжая по пандусу, который он сколотил для мамы. Кресло подпрыгнуло, я чуть не вылетела, но удержалась.

Я подкатила к нему почти вплотную. Он даже не обернулся. Продолжал колоть.

— Ты! — крикнула я. Голос сорвался на визг. — Эй, ты, лесной знахарь!

Михаил опустил топор. Медленно повернулся.

— Чего тебе? Орать будешь в подушку. Распугаешь дичь.

— Я хочу, чтобы ты меня лечил! — я била кулаками по подлокотникам. — По-настоящему! Хватит носить мне свои вонючие мази! Хватит смотреть на меня как на мусор! Сделай так, чтобы я встала!

Он оперся на топорище, глядя на меня с ленивым инте-

ресом.

— Ишь ты. Проснулась спящая красавица. И зачем тебе вставать? Чтобы побежать к своему Вадиму и умолять взять тебя обратно? "Прости, милый, я исправилась, я больше не тяжелая"?

Я задохнулась. Откуда он знал? Мама? Конечно, мама.

— Не твое дело! — заорала я. — Я хочу, чтобы он сдох! Я хочу, чтобы он подавился своими словами! Я хочу вернуться и раздавить его!

— Месть — плохая мотивация, — спокойно сказал Михаил. — Она сгорает быстро. А работа предстоит долгая. Ты слабая, Спасская. Ты привыкла, что за тебя всё делают другие. Тренер, врачи, мама. А сама ты — ноль.

— Я ноль?! — я схватила первое, что попало под руку — эмалированную кружку с водой, стоявшую на лавке, и швырнула в него.

Кружка ударилась о его плечо и отскочила в грязь. Михаил даже не моргнул.

— Я чемпионка мира! Я пахала с четырех лет! Ты, бородастый урод, ты не знаешь, что такое боль!

Я попыталась встать. Оперлась на здоровую ногу, рывком подняла тело из кресла.

— Я докажу тебе!

Я сделала шаг. Больная нога подогнулась, словно ватная. Земля ушла из-под ног. Я рухнула лицом в грязь, в щепу, прямо к его сапогам.

Боль ослепила меня. Я лежала, глотая землю, и выла от бессилия и ненависти. К нему, к Вадиму, к себе.

— Вставай, — голос Михаила прозвучал над головой. Не грубо. Странно.

— Пошел ты...

— Вставай, я сказал.

Сильные руки подхватили меня. Он поднял меня, как ребенка. Я думала, он швырнет меня обратно в кресло. Но он прижал меня к себе — жестко, крепко. Я почувствовала запах его свитера — дым и шерсть.

Он понес меня не в гостевой домик. Он понес меня к своему крыльцу.

— Куда ты меня тащишь?! — я колотила его по спине.

— Заткнись, — он пинком открыл дверь своего дома.

Внутри было темно и тепло. Пахло травами. Но он не остановился в горнице. Он прошел в дальний угол, где лежал домотканый половик.

Одной рукой держа меня, другой он откинул ковер. Под ним оказался люк с массивным кольцом.

Михаил поставил меня на пол, придерживая за талию, чтобы я не упала. Рванул кольцо вверх.

Вниз уходила крутая лестница. Оттуда пахнуло не сыростью, а... озоном. Кварцем. Стерильностью.

— Вниз, — скомандовал он.

Он снова взял меня на руки и начал спускаться.

Когда мы оказались внизу, он щелкнул выключателем. За-

гудел генератор, и помещение залил яркий, холодный свет люминесцентных ламп.

Я замерла, забыв, как дышать.

Это был не подвал. Это был операционный блок.

Белые стены, кафельный пол. В центре стоял массажный стол, похожий на пыточный станок — с ремнями, блоками и противовесами. Вдоль стен — стеллажи. На них не было банок с огурцами. Там блестела хирургическая сталь. Скальпели, зажимы, расширители — разложенные по размеру, идеально чистые. Анатомические атласы, макеты скелетов, сложные, явно самодельные тренажеры из дерева и металла.

Это было логово не знахаря, а ученого. Маньяка от медицины.

Михаил посадил меня на высокий стол. Он подошел к раковине, начал мыть руки. Его движения изменились. Исчезла вальяжность лесоруба. Появилась хищная, точная пластика хирурга.

Он повернулся ко мне, вытирая руки стерильным полотенцем. Его взгляд изменился. Темные омуты исчезли. Теперь на меня смотрели глаза, острые как лазер.

— Ты думаешь, я здесь грибы сушу? — тихо спросил он. Эхо его голоса отразилось от кафеля. — Я восемь лет собираю таких, как ты. Безднадежных. Тех, кого система выплюнула и растерла.

Он подошел вплотную, опираясь руками о край стола, за-

пирая меня в ловушку.

— Твоя нога — это конструктор, собранный идиотами. Чтобы ты пошла, мне придется сломать тебя заново. Не кости. Твою психику. Твои привычки. Твою жалость к себе.

Он взял со стола скальпель. Повертел его в пальцах, ловя блик света.

— Если я возьмусь за тебя, Спасская, ты будешь молить о смерти. Будет больно. Будет страшно. Ты будешь ненавидеть меня больше, чем своего мужа. Я выверну тебя наизнанку.

Он резко вонзил скальпель в деревянную столешницу рядом с моим бедром. Лезвие вошло глубоко, завибрировав.

— Ты хочешь вернуться туда, где тебя выкинули на помойку? Я не буду чинить тебя ради того, чтобы ты снова разбилась об этого ублюдка. Ты встанешь только ради себя. Ради того, чтобы быть сильной. Или мы заканчиваем прямо сейчас, и я везу тебя на вокзал. Решай.

Я смотрела на дрожащую сталь скальпеля. Потом на него. На его шрамы, на его бороду, за которой скрывалось лицо человека, прошедшего через свой собственный ад.

Я вытерла грязь с щеки тыльной стороной ладони. Вспомнила лицо Вадима на экране. "Ошибка молодости".

Я подняла глаза на Михаила. И впервые за месяц почувствовала, что я жива.

— Я готова, — мой голос прозвучал хрипло, но твердо. — Ломай меня. Режь меня. Делай что хочешь. Но я встану. Михаил смотрел на меня долгую минуту. Потом уголок

его губ дрогнул в едва заметной усмешке.

— Добро пожаловать в реанимацию, чемпионка. — Он выдернул скальпель из стола. — Начнем с того, что сожжем твой швейцарский корсет. Он тебе больше не понадобится.

В этот момент я поняла: пути назад нет. Я заключила сделку с дьяволом, и он собирался взять с меня полную плату.

Глава 11

Августовский зной проникал даже в прохладный полумрак нашего подвального бункера, смешиваясь с едким запахом магнезии, пота и кварцевой лампы. Прошло почти пять месяцев с того дня, как я впервые спустилась сюда на руках Михаила. Пять месяцев, которые выжгли из меня прежнюю Арину Спасскую, оставив взамен кого-то совершенно нового.

Реабилитация не была похожа на те стерильные, вежливые процедуры, к которым я привыкла в элитных клиниках федерации. Михаил не был врачом в классическом понимании этого слова. Он был кузнецом, а я — куском искореженного металла, который он безжалостно, день за днем, перековывал на своей наковальне.

Его самодельные тренажеры из дерева, ремней и противовесов выглядели как орудия пыток, и, по сути, ими и являлись. Он рвал мои спайки. Он заставлял мышцы, забывшие, как сокращаться, работать через крик, через слезы, через черные круги перед глаз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.